Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

С.В.СИЛОВА

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

М о н о г р а ф и я

Гродно 2003

УДК 281.9 (476)
ББК 86.372 (4Беі)
С36

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы И.В.Соркина;

младший научный сотрудник отдела фондов Гродненского государственного историко-археологического музея О.А.Мась.

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им. Я. Купалы.

Силова С.В.

С36 Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Монография / С.В.Силова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 105 с.

ISBN 985-417-508-4

В монографии содержатся сведения о положении православной церкви в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Дается развернутая характеристика основных видов церковной деятельности, показаны различные позиции православного клира, в том числе патриотическая.

Будет полезна студентам, аспирантам, преподавателям, всем, кто интересуется историей.

Иллюстр.: 14; библиогр.: 114 назв.

УДК 281.9(476)
ББК 86.372(4Беі)

ISBN 985-417-508-4

© Силова С.В., 2003

ВВЕДЕНИЕ

Положение православной церкви в Белоруссии в различные исторические периоды не было однозначным. Уже сама по себе история православия была противоречивой, изобиловала внутренними конфликтами. Она впитывала в себя общественные противоречия на всем протяжении своего пути. Это в полной мере относится и к периоду 1941–1945 годов. Представители советской исторической школы, изучавшие различные аспекты и стороны Великой Отечественной войны, не занимались разработкой церковных проблем, заведомо определяя роль православной церкви как реакционную, а политику, проводимую представителями православного клира, как пособническую нацистскому режиму.

Думается, что необходимо очистить изучение истории православной церкви и оценки ее роли в жизни общества не только от идеологической предвзятости, но и прочно ввести ее в контекст гражданской истории страны, рассмотреть в общей исторической системе, определить ее место в этой системе. Следует глубоко и всесторонне изучить фактическую историю церкви, правильно понять специфику положения православной церкви в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, как в период оккупации, так и после освобождения республики, четко определить основные группы, на которые разделился православный клир республики в это непростое время. В период нацистской оккупации белорусским епископатом была осуществлена попытка выйти из-под влияния Московского патриархата в рамках создания автокефальной православной церкви. Необходим анализ этой попытки строительства национальной церкви, отношения к ней различных представителей православного клира Белоруссии. Ранее вышеуказанные проблемы не являлись предметом отдельного исторического исследования.

С началом Великой Отечественной войны зарождается и патриотическая деятельность Русской Православной Церкви, что также никогда ранее не являлось предметом исследования со стороны отечественных и зарубежных историков. Православные священнослужители воевали на фронтах Великой Отечественной войны, участвовали в партизанском и подпольном движении на территории Белоруссии, отдавая свои жизни ради победы над нацизмом.

Выявление широкого круга ранее не востребованных исторических источников и необходимость переосмысления прошлого как белорусскими исследователями, так и общественностью республики в целом, определяют настоятельную необходимость более детального рассмотрения положения православной церкви в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, учета ее патриотической деятельности.

ГЛАВА 1

ОТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С НАЦИСТСКИМ ОККУПАЦИОННЫМ РЕЖИМОМ И БЕЛОРУССКОЙ КОЛЛАБОРАЦИЕЙ

1.1. **Церковное строительство в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Подготовка и проведение Всебелорусского церковного собора**

В 1939 году после присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР был создан экзархат Западных Белоруссии и Украины Московского патриархата во главе с митрополитом Пантелеймоном Рожновским, сосланным в 1922 году польским правительством за приверженность Московской патриархии. Но политика большевиков по отношению к православной церкви с 1917 по 1939 год в восточных областях Белоруссии привела к тому, что церковная жизнь там была практически ликвидирована. Храмы закрывались, церковнослужители ссылались в места заключения, не было ни одного епископа. Число действующих храмов в Восточной Белоруссии исчислялось единицами. Более благополучной выглядела на этом фоне Западная Белоруссия. Но по всей территории республики число храмов не превышало 806 [25], причем на западные области приходилось 428 церквей и часовен [25]. Действующих же храмов было 542, в которых служило 606 священников, число верующих превышало 2 миллиона человек [67, л. 115]. И эти верующие не могли реализовать свое моральное право веры в Бога, так как не хватало не только открытых храмов, но и священнослужителей, в связи с чем проблема церковного строительства в Белоруссии, особенно в ее восточных регионах, в начале оккупации стояла очень остро.

Воссоздание церковного управления. Возрождение православной церкви в Белоруссии активно поддерживал митрополит Варшавский Дионисий, который в 1939 году лишился власти над православными приходами Западной Белоруссии. Им была создана Белорусская Церковная Рада, в состав которой вошли архимандрит Филофей, доктор Иван Ермоченко, доктор Витушко, доктор Красовский, Борис Стрельчик. Первое заседание Рады состоялось 9 сентября 1941 года, на котором был принят меморандум к центральным властям в Берлине. В этом обращении предлагалось возвести в сан епископов Феофана (Протасевича), Филофея (Нарко) и

Афанасия Мартоса, белорусов по национальности. Немецкие власти поддержали данный меморандум.

Именно тогда Генеральный Комиссариат Белоруссии намеревался создать и автокефальную православную церковь в Белоруссии. С этой целью Радослав Островский направляет письмо Генерального Комиссариата от 3 октября 1941 года епископу Венедикту на имя митрополита Пантелеймона Рожновского [П. 1]. В послании указывалось на необходимость создания автокефальной церкви в Белоруссии, оговаривалось ее название – «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». Далее оговаривалось, что проповедь в храмах и делопроизводство должны вестись на белорусском языке, а назначение епископов, благочинных и священников не должно производиться без ведома немецких властей [75, л. 15].

В связи с этим митрополитом Пантелеймоном и епископом Венедиктом было проведено официальное заседание, на котором собравшиеся постановили принять условия, содержащиеся в письме Генерального Комиссариата Белоруссии. Были сделаны первые шаги: перевели резиденцию митрополита из Жировицкого монастыря в город Минск, присвоили митрополиту Пантелеймону титул «Митрополит Минский и Всея Беларуси», а со временем планировали открыть и духовную семинарию. Протокол заседания озаглавлен «Акт № 1 деяния собора епископов белорусской православной церкви от 6 октября 1941 года» [75, л. 15].

После получения официального разрешения церковная жизнь в Белоруссии заметно оживилась. Подпольщик Казаченок сообщал советским компетентным органам 13 декабря 1942 года, что накануне собора передовая «Беларускай газэты» в очень серьезной форме предупреждала членов собора, что судьба церкви в Белоруссии и судьба духовенства будет всецело зависеть от того, насколько они сумеют перестроить свою работу в соответствии с требованиями строительства «нового порядка» в Европе... Всякая ориентация на Москву будет рассматриваться как большевистская пропаганда [97, л. 5]. Необходимо отметить, что периодическая печать оккупированной Белоруссии довольно подробно освещала жизнь православной церкви.

В августе 1941 года в город Минск с Пружанщины вместе с частями немецких войск прибыл иеромонах Владимир Финьковский. Его в августе 1941 г. посетили священник Николай Лапицкий и инженер Иван Косяк, которые предложили Владимиру Финьковскому сообща работать по восстановлению православной церкви.

Но монах ответил им, что он будет сотрудничать только с немецкими властями [58, с. 83]. Пользуясь поддержкой оккупационной власти, иеромонах Владимир сам возложил на себя роль епископа, разъезжая по Белоруссии и назначая епископов на местах. Когда в город Минск приехал епископ Венедикт, Владимир его не признал и не пустил в архиерейский дом [58, с. 83]. Конфликт между иеромонахом и епископами постепенно углублялся, и к концу 1941 года иеромонах Владимир был и вовсе отстранен от церковных дел. По распоряжению митрополита Пантелеймона была создана ревизионная комиссия для проверки деятельности Владимира Финьковского. На основании собранных материалов в марте 1942 года иеромонах был отдан под церковный суд, по решению которого приговорен к тюремному заключению, но немецкие власти его освободили с условием немедленного выезда в город Варшаву [58, с. 89].

Конфликт белорусских епископов и немецкого ставленника Владимира Финьковского в самом начале оккупации сам по себе довольно примечателен. Приговор церковного суда 1942 года по делу Владимира Финьковского и жесткая позиция белорусских епископов показали, что в начальный период оккупации православные иерархи Белоруссии могли противостоять требованиям оккупационных властей и открыто их не поддерживать. После марта 1942 года ситуация резко изменилась, и белорусские епископы окончательно потеряли свою самостоятельность, целиком попали под влияние светской оккупационной власти и белорусских коллаборантов.

Постепенно воссоздалось и центральное церковное управление. Во главе митрополии стоял митрополит Пантелеймон Рожновский [П. 1]. Митрополит Пантелеймон еще в 20-е годы не поддержал идеи автокефалии православной церкви в Польше, отказался без согласия Москвы пойти на автокефалию. Он успел созвать 3 марта 1942 года собор епископов, на который были приглашены все епископы, вызван епископ Венедикт из города Гродно и приглашен архимандрит Афанасий. На этом соборе было решено разделить Белоруссию на шесть епархий:

1) Витебскую во главе с епископом Витебско-Полоцким Афанасием;

2) Гродненскую во главе с епископом Гродненско-Белостокским Венедиктом;

3) Минскую во главе с митрополитом Минским и Всея Беларуси Пантелеймоном;

4) Могилевскую во главе с епископом Могилевским и Мстиславским Филофеем [П. 2];

5) Новогрудскую во главе с епископом Новогрудским Вениамином Новицким;

6) Смоленскую во главе с епископом Смоленским Семеном Севбо [80, л. 67].

Оккупационные власти постепенно отстранили митрополита Пантелеймона от руководства митрополией и довольно быстро нашли ему преемника. Им стал Филофей Нарко. Епископскую хиротонию Филофея Нарко совершили в Жировицком монастыре 23 ноября 1941 года митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт. При наречении Филофею дали титул епископа Слуцкого, викария Минской митрополичьей епархии. Новый епископ торжественно въехал в город Минск 30 ноября 1941 года.

Реально митрополит Пантелеймон управлял православной церковью до мая 1942 года. В конце мая 1942 года митрополит был вызван в Генеральный Комиссариат Белоруссии, где начальник отдела доктор Леопольд Юрда официально объявил об увольнении митрополита Пантелеймона Рожновского на покой и передаче управления церковными делами Филофею Нарко. Митрополит Пантелеймон подал протест, но его отклонили. Ему было приказано готовиться к отъезду в Ляды. Вернувшись из Комиссариата, он написал письмо на имя архиепископа Филофея: «Вследствие своего отъезда из Минска на время своего отсутствия поручаю Вам все дела Белорусской метрополии» [63, с. 276]. Письмо датировано 1 июня 1942 года, а утром следующего дня митрополит Пантелеймон Рожновский со своим келейником отцом Юлианом был увезен сотрудниками СД в Ляды и помещен в бывшем монастыре. Здесь он находился до осени 1942 года, а на зиму немецкие власти перевезли его в город Вилейку, где он и жил под надзором немецкой военной полиции.

Церковные власти не принимали во внимание, что к этому времени оккупационные власти уже провели территориально-административный раздел Белоруссии.

Брестчина с городом Брестом была присоединена к Государственному Комиссариату Украины. На кафедру епископа там был избран Иоанн Лавриненко со званием епископ Брестский и Кобринский [58, с. 94]. Церковное строительство на Брестчине шло довольно сложно. Трудности состояли в том, что накануне войны архиепископ Николай выехал в Москву и не вернулся. Православная церковь в этом регионе осталась без руководителя.

В среде высшего духовенства возникло движение за присоединение Брестчины к автокефальной православной церкви на Ук-

раине. Во главе его стал архиепископ Алексей. Некоторые епископы не были удовлетворены данным явлением, в их число входил и епископ Пинский Александр, что привело к расколу среди духовенства как высшего, так и рядового. На юго-западе Полесья борьба приняла не совсем этичные формы. В Камене проживал епископ Антоний (бывший Гродненский), который был лишен кафедры и отправлен в Камень-Каширский под надзор архиепископа Александра, но так как в период оккупации связь между иерархами была утеряна, то епископ Антоний почувствовал себя уверенно и решил организовать Камень-Каширскую епархию. Для поддержки его амбиций епископу Антонию дали титул епископа Одесского и Херсонского. Он остался жить в Камень-Каширском, ожидая, когда Одесса и Херсон будут заняты немцами. Одновременно занялся созданием Камень-Каширской епархии. Свою деятельность он начал с кадровых перестановок. Так, он удалил, а затем и вовсе лишил сана приверженца Московской Патриархии благочинного протоиерея Леонтия Былинского, белоруса по национальности, поставив на его место священника Иоанна Богдана [77, л. 1] (приходы, к сожалению, неизвестны. – С.С.).

Был организован епархиальный совет, который состоял из автокефалистов украинской ориентации. За малым исключением все духовенство Морочинского, Любетовского и Каширского районов подчинялось епископу Антонию, который щедро раздавал награды своим приверженцам [77, л. 1]. Именно епископ Антоний вместе с епископом Алексеем в 1942 году возвели в епископский сан архимандрита Иоанна Лавриненко. Но противоречия между иерархами были настолько велики, что вместо было начавшейся образовываться Камень-Каширской епархии образовали Брестскую епархию во главе с епископом Иоанном Лавриненко [77, л. 1]. В сфере своего влияния автономная церковь заявила, что «ничего общего с Москвой не имеет», и стала поощрять введение в богослужение украинского языка. В приходах, которые подчинялись митрополиту Полесскому и Пинскому Александру, господствовал церковно-славянский язык [77, л. 1]. Митрополит Александр Полесский был хорошим организатором, но особой поддержкой духовенства не пользовался потому, что еще при помещицко-буржуазной Польше обложил приходы довольно высокими налогами и проявлял строгость к неплательщикам.

Но необходимо отметить, что уже в 1943 году среди рядового духовенства, которому было довольно сложно разобраться в отношениях и амбициозных притязаниях различных иерархов, росли

убеждения, которые четко выразил в октябре 1943 года протоиерей Андрей Ковалев из Брестской епархии: «Духовенство сознает ненормальность создавшегося положения и вред, который несет раскол, верующие верят, что вся Церковь вскоре будет под авторитетным руководством Московского Патриарха. Все понимают, что этот раскол – акт чисто политический» [77, л. 6].

Епископ Смоленский Степан, рукоположенный в сан в мае 1942 года, прибыл в Смоленск 20 декабря 1942 года. Были созданы органы церковного управления в Могилеве и Витебске.

Церковное строительство на территории Гродненской и Белостокской епархий происходило несколько иначе. После присоединения этих территорий к Восточной Пруссии они попали в подчинение митрополиту Берлинскому Серафиму.

5 января 1942 года из Жировицкого монастыря в город Гродно прибыли для организации церковной жизни архиепископ Венедикт Бобковский и Евгений Котович. Последний стал старшим членом епархиального управления. Достаточно быстро был набран штат епархиального управления. В него вошли его глава архиепископ Венедикт Бобковский, Георгий Боришкевич (ставший в 1943 году епископом) – настоятель Гродненского кафедрального собора, старший член епархиального управления Евгений Котович, секретарь управления Иван Лукич Рей и обслуживающий персонал из вольнонаемных. По распоряжению архиепископа Венедикта Е. Котович переделал круглые печати в приходах, печать и штамп епархиального управления, бланки метрических выписок с церковно-славянского и русского языков на немецкий язык.

Общение с митрополитом Серафимом Берлинским проходило в основном путем переписки и через журнал «Сообщения и распоряжения Серафима, митрополита Берлинского и Германского», который выписывался из города Берлина в пяти экземплярах. В журнале помещались указания и распоряжения митрополита Серафима, статьи и корреспонденции по церковным вопросам и положению церквей в Гродненской епархии, на Украине. В нем помещались и некоторые послания архиепископа Венедикта Бобковского. В служебной переписке с митрополитом Серафимом поднимались вопросы обеспечения винами и мукой для просфор. В управление епархии митрополит Серафим не вмешивался [4].

По решению оккупационных властей продолжительность богослужений была ограничена во времени, а если церковный праздник попадал на будний день, то он должен был быть перенесен на ближайшее воскресенье. Данный порядок не устраивал руковод-

ство епархии. Архиепископ Венедикт вел активную переписку по этому вопросу с Гродненским амсткомиссаром [34], однако к положительному решению стороны не пришли. В феврале 1942 года в город Берлин к митрополиту Серафиму был командирован с ходатайством Евгений Петрович Котович, чтобы тот попытался решить с немецким руководством вопрос, можно ли вести церковную службу не два часа, а больше. Просьба содержалась в письме архиепископа Венедикта к митрополиту Серафиму. По приезде в Берлин Евгений Котович передал письмо, но митрополит Серафим сказал, что он не уполномочен решать такие вопросы, пообещав ускорить аудиенцию у начальника отдела гестапо по церковным делам. Перед визитом в гестапо Евгений Котович написал заявление о цели своего приезда, указав, что духовенство Гродненской епархии оппозиционно настроено к немецкой власти по мотивам ограничения церковной службы, просил увеличить продолжительность церковных служб в праздничные дни до четырех-пяти часов и выдать духовенству епархии продовольственные карточки [4].

Через несколько дней Евгения Котовича принял начальник гестапо по церковным делам, где ему был дан ответ, что непродолжительность богослужений вызвана военным временем, что нужны рабочие руки, а выдача продовольственных карточек православному духовенству принципиально невозможна [4]. Таким образом, эта часть задач поездки оказалась безрезультатной.

Евгений Котович пробыл в столице третьего рейха неделю. Кроме ежедневных визитов к митрополиту Серафиму, он встречался с духовенством и посетил все четыре православные церкви города Берлина, участвовал в службе в соборе вместе с митрополитом Серафимом. Пользуясь случаем, секретарь Гродненского епархиального управления пытался решить одновременно и снабженческие проблемы. Для этого он посетил завод немецкой фирмы «Идэ», производивший церковные свечи, и договорился об их поставке в г. Гродно. По завершении указанной миссии Евгений Котович выехал обратно в Гродненскую епархию [4].

Таким образом, церковная жизнь на всей территории Белоруссии начала налаживаться. Но необходимо было реализовать решения собора епископов от 3 марта 1942 года о разделе Белоруссии на шесть епархий и назначении в них епископов.

Для осуществления планов собора епископов от 3 марта 1942 года необходимо было провести несколько хиротоний в епископы. Так, 8 марта 1942 года состоялась хиротония Афанасия Мартоса. Посвящение проводили митрополит Всея Беларуси Пантелеймон,

Гродненский епископ Венедикт и епископ Могилевский Филофей. Хиротонию подробно осветила оккупационная периодическая печать. Подчеркивалось, что на церемонии присутствовали представители немецких властей и белорусской общественности. Им были отведены места возле царских ворот. Пел церковный хор, состоящий из артистов минского городского театра. Посвящение закончилось речью первого епископа-белоруса Филофея, который подчеркнул большое значение этого акта для «нацыянальнай беларускай справы» [7]. Епископская Панагия была пожертвована православными белорусами-эмигрантами в Варшаве. Принимая ее, Афанасий Мартос сказал, что сейчас не должно быть эмигрантов, все должны вернуться на Родину, где нужен их труд [7].

Хиротонии Афанасия Мартоса как представителя нового поколения белорусских епископов – строителей независимой православной церкви – было придано очень большое значение. «Беларуская газэта» с воодушевлением писала, что «Беларуская Аўтакефальная царква мае цяпер двух епіскапаў-патрыётаў. Праваслаўная царква Беларусі паступова перастае быць каралам русіфікацыі беларускага народу маскоўскай палітыкі, а ўзыходзіць на праўдзівы хрысціянскі шлях, ператвараючыся ў нацыянальнатворчы элемент беларускага народу... Працуючы на нацыянальнай ніве, праваслаўнае духавенства будзе тым цэментам, што змацніць беларускую нацыю і будзе мець падтрыманне нацыяналістычнага маладога беларускага пакалення» [65].

Учитывая такие заявления прессы, вызывает интерес личность второго епископа-белоруса. Родился Афанасий Мартос 8 сентября 1904 года в селе Новоградчина Несвижского повета в крестьянской семье. В 1925 году он окончил Несвижскую гимназию, после чего поступил на богословский факультет Варшавского университета, который закончил магистром богословия. В 1934 году он был назначен высшей церковной властью на должность воспитателя студентов в общежитии богословского факультета. В 1936 году он окончил педагогические курсы при Варшавском университете. Во время учебы в университете, будучи студентом второго курса, Афанасий Мартос принимает монашество, а в 1929 году становится иеромонахом. С 1938 года был назначен на должность старшего воспитателя и духовника в том же общежитии, где работал до 1939 года. Необходимо указать, что воспитатель Афанасий Мартос пользовался уважением среди студентов, не раз оказывал материальную и моральную помощь нуждающимся. После начала второй мировой войны он был на Холмщине, где, по имеющимся

сведениям, участвовал в организации женского монастыря. В годы Великой Отечественной войны Афанасий Мартос активно участвует в церковном строительстве, причем особенно активно после возведения в сан епископа.

Он принимал активное участие в работе собора епископов, который продолжил свои заседания 9 марта 1942 года. На нем был принят внутренний Устав Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви, было решено открыть кратковременные пастырские курсы в городах Минске, Гродно и в Жировицах, а к осени 1942 года планировалось открыть духовную семинарию и решить вопрос материального обеспечения духовенства. Здесь же заступником митрополита Пантелеймона выбрали епископа Филофея [58, с. 95]. Собор завершился избранием синода Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви, который стал исполнительным органом собора епископов. В состав синода вошли: его глава митрополит Пантелеймон, архиепископ Венедикт, епископ Филофей и епископ Афанасий [58, с. 95]. После этого заседания епископ Венедикт выехал в Гродно для руководства своей епархией.

Окончательно структура церковного управления была завершена возведением настоятеля Гродненского кафедрального собора Георгия Боришкевича в сан епископа. Архиепископ Венедикт постриг его в монашество с именем Григорий, и 18 сентября 1943 года Г. Боришкевич был посвящен в сан архимандрита митрополитом Анастасием Грибановским, Серафимом Лядэ, архиепископом Венедиктом Бобковским [4].

Во второй половине октября 1943 года архиепископ Венедикт поехал в город Вену на епископскую конференцию иерархов Русской Православной Церкви за границей, созванной Берлинским и Германским архиереем митрополитом Серафимом Лядэ по делу избрания в городе Москве патриарха Сергия. Поехал в город Вену и архимандрит Григорий Боришкевич [П. 2]. Конференция сурово осудила политику Сталина в войне и патриаршие выборы. 24 октября 1943 года в русской церкви г. Вены состоялось посвящение в сан епископа Гомельского архимандрита Григория. Вернувшись в город Гродно, епископ Григорий попросил митрополита Пантелеймона принять его в состав епископата Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви, что и было сделано синодальным постановлением. Однако в Гомельскую область новый епископ не поехал, а остался в Гродно.

Первоначально создание Гомельской епархии не планировалось. Но 28 мая 1943 года в городе Гомеле состоялся съезд духо-

венства, на котором было принято решение просить митрополита Пантелеймона Рожновского об утверждении в Гомельской области самостоятельной епархии. Ходатайство было удовлетворено. В новую епархию был назначен архиепископ Николай Автономов, который являлся приверженцем автокефалии православной церкви. После своего приезда архиепископ Николай наладил церковное управление и организовал при Речицком соборе «национальную» школу для детей, в которой обучалось до 500 человек. Для привлечения детей в школу родителям давались льготы – они освобождались от трудовой повинности» [3].

Таким образом, структура церковного управления и руководства была воссоздана окончательно в 1943 году. Однако при ее формировании высшие иерархи православной церкви в Белоруссии в городе Минске не принимали во внимание административно-территориальный раздел республики оккупационными властями. Этот раздел не только уменьшил территорию республики, но и затруднил руководство православной церковью из единого центра, так как его практически не существовало. По крайней мере, по мнению автора монографии, таких центров было три – города Минск, Гродно и Пинск. Главы каждого из них в лице архиепископа Филофея (город Минск), архиепископа Венедикта (город Гродно), епископа Александра (город Пинск) не всегда были едины в своих целях. Так, архиепископ Филофей выступал за создание автокефальной церкви в Белоруссии и вводил в богослужение белорусский язык, архиепископ Венедикт вошел в состав зарубежной православной церкви и переводил всю документацию на немецкий язык. А епископ Александр не поддерживал идеи автокефалии и приветствовал введение церковно-славянского языка в богослужении. Это ни в коей мере не способствовало усилению православия и православной церкви как социального института. И если это не устраивало духовенство Белоруссии, то вполне отвечало интересам оккупационных властей.

Подготовка и проведение Всебелорусского церковного собора. Важной страницей церковного строительства в оккупированной Белоруссии была попытка создания Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви как одно из воплощений в жизнь национально-религиозной идеи. Работа в этом направлении во многом и определяла церковную политику в годы войны. Белорусские коллаборанты приступили к разработке и пропаганде национально-религиозной идеи в контексте национально-государственного строительства Белоруссии с самого начала войны. Обращение к национально-религиозной идее было обусловлено, по мнению

белорусского исследователя Альберта Котова, тем, что общие лозунги борьбы против Советской власти, Коммунистической партии отвергались обществом. Белорусские коллаборанты рассматривали религию как важное средство мобилизации духовных сил общества на борьбу против «безбожной» Советской власти. Сама идея была направлена прежде всего на то, чтобы пробудить у белорусов чувство собственного достоинства, «этническую самоиндификацию», то есть формирование национального самосознания, отличного от самосознания русского и других народов Советского Союза и, наоборот, близкого, по мнению коллаборантов, к арийской расе. Предполагалось через религию воспитать у каждого белоруса понимание того, что «доля нашага краю цяпер сьцісла зьвязанная з доллю нямецкага народу» [9]. Окончательная реализация этой идеи была связана с созданием Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви, ничем не связанной с Русской Православной Церковью.

Дело в том, что в положении церкви кардинальные изменения начались после Октябрьской революции 1917 года. В 1922 году была создана Минская митрополия, в 1927 году была провозглашена Белорусская автокефальная православная церковь, но одновременно существовала обновленческая Белорусская автономная православная церковь. Но репрессии 30-х годов привели к фактической ликвидации церкви в Восточной Белоруссии. Но Западная Белоруссия, где насчитывалось около миллиона православных верующих, в 1921 году отошла к Польше. В 1922 году там была создана Польская автокефальная православная церковь (которая через два года была канонически признана Константинопольским патриархатом), включившая в себя 5 епархий, в том числе Виленскую, Гродненскую и Пинскую. Высшее духовенство приносило присягу польскому правительству. Митрополитом стал архиепископ Варшавско-Холмский Дионисий. Церковь имела монастыри, духовную семинарию в Вильно, 337 приходов в Виленской и Гродненской епархиях, выдавала религиозную литературу на русском, белорусском, украинском и польском языках. Достаточно прочные позиции Польской автокефальной православной церкви позволяли многим белорусским епископам думать об автокефалии как о способе сохранения православия в Белоруссии.

Идея создания национальной церкви в оккупированной Белоруссии была обусловлена и рядом объективных причин, прежде всего слабостью Московской Патриархии и гонениями на православную церковь со стороны Советской власти в предвоенное время.

Неуверенность в нормальном функционировании православной церкви в случае победы Советского Союза в войне заставила белорусский епископат в условиях оживления и относительной стабилизации церковной жизни в оккупированной Белоруссии пойти как на попытку создания самостоятельной православной церкви, так и ее международного признания. Но белорусские иерархи, решившиеся на реализацию этой идеи, не могли не понимать, что для ее практического осуществления необходимо будет тесно сотрудничать с оккупационной властью, с одной стороны, и спровоцировать раскол православного клира в оккупированной Белоруссии, с другой.

Раскол духовенства положила позиция митрополита Пантелеймона Рожновского. Оккупационным властям и представителям белорусской коллаборации было известно, что митрополит придерживается строго русских и монархических убеждений, которых он и не скрывал. Митрополит Пантелеймон не раз официально заявлял, «что не мыслит себе иной церковной автокефалии, кроме полученной в нормальных условиях от Матери – Русской Церкви, и если не будет ее благословления, то и не будет согласия и архиепископа Пантлеймона» [64, с. 280]. Было очевидно, что митрополит не изменит своих взглядов. Однако, по мнению автора монографии, преклонный возраст и болезнь не позволили главе православной церкви оккупированной Белоруссии активно и последовательно отстаивать свои убеждения. Митрополит Пантелеймон не особо жаловал коллаборантов. Он не раз говорил: «Я пережил поляков, пережил большевиков, переживу и косяков» [63].

Архиепископ Филофей, возглавивший после высылки митрополита Пантелеймона Рожновского православную церковь в Белоруссии, приступив к своим обязанностям, издал два меморандума. В первом предписывалось «сместить все русофильское духовенство», а второй меморандум предусматривал формирование консистории из трех человек, регистрацию всех общин в белорусской церкви к 10 июля 1942 года (которая не была доведена до конца. – С.С.), мероприятия по подготовке собора и создание издательского органа [23, с. 162].

В середине июля 1942 года в городе Минске собрались епископы для решения церковных дел, связанных с высылкой митрополита Пантелеймона. Леопольд Юрда вызвал епископа Филофея и потребовал скорейшей автокефалии православной церкви. По возвращении епископ Филофей учредил Предсоборную комиссию, которую сам и возглавил, и немедленно приступил к подготовке собора.

Большое внимание уделяла подготовке собора и оккупационная печать. Прекрасно понимая, что Московский Патриарх расценит создание автокефальной церкви как предательство и мгновенно предаст анафеме создателей, высшие церковные иерархи Белоруссии очень внимательно следили за статьями в поддержку их деятельности, всячески поощряя появление таких материалов. Авторы публикаций постоянно напоминали верующим о зверствах большевиков против церкви, о том, что «ў касцеле панавалі і праводзілі сваю палітыку палякі, а ў царкве панавалі расейцы, поўнасцю падпарадкаваўшы Беларускую Аўтакефальную царкву Маскве. Гэтыя чужынцы, праводзячы сваю варожую да беларусаў акцыю, абсалютна не лічыліся з голасам беларускага народу, які дамагаўся, каб святыні Беларусі былі сапраўды святынямі, каб там была беларуская мова, беларускі дух, а ня Польшча ці Расейшчына» [65].

Участвовала в подготовке собора и Беларуская Народная Самапомач. Она посылала на места своих эмиссаров. Так, в город Слоним для агитации был направлен Рыгор Зыбайло, в городе Новогрудке работал Константин Яцевич [63].

При подготовке собора высшее духовенство Белоруссии пыталось заручиться разрешением на возвращение митрополита Пантелеймона, но получило отказ. 27 июля 1942 года начальник отдела политики Генерального Комиссариата Белоруссии Л.Юрда еще раз предупредил, что проведение собора будет зависеть от личности архиепископа Филофея Нарко [74, л. 7].

По решению собора епископов 29 июля 1942 года была учреждена предсоборная комиссия, в которую вошли священники Иосиф Балай, Иван Кушнер, Владимир Богаткевич, Николай Лапицкий и Михаил Севбо, а также представители от БНС Иван Ермоченко, М. Волосевич, П. Свирид, Е. Малевич, А. Сенькевич [81, л. 39].

5 августа 1942 года архиепископ Филофей издал распоряжение № 467 «О созыве Белорусского Церковного Собора». В нем подчеркивалось, «каб фактычна праведзеная Аўтакефалія Беларускай Праваслаўнай Царквы атрымала належнае кананічнае афармленне», необходимо созвать собор белорусской православной церкви (иерархов, представителей духовенства и мирян) «па ўзгадненню з нямецкімі дзяржаўнымі ўладамі і кіраўніком Беларускай Народнай Самапомачы» на 28 августа 1942 года [84, л. 34].

Выборы делегатов на собор были назначены на воскресенье 16 августа 1942 года и проходили в церквях после богослужений, а при необходимости могли пройти 19 или 23 августа 1942 года [84, л.

34]. От каждого прихода должны были быть представлены священник и один избранный делегат из мирян. Каждый делегат должен был иметь свидетельство за подписью «сяброў благачынніцкай рады» о благонадежности, которое следовало получать через местные организации БНС. В город Минск делегаты должны были прибыть 27 августа 1942 года и иметь с собой запас продуктов на шесть-семь дней [84, л. 34].

Предсоборная комиссия 19 августа 1942 года была разделена на две подкомиссии – административно-правовую, которую возглавил священник И.Балай, секретарями которой стали священник М.Севбо и представитель от БНС П.Свирид. Кроме них, в административно-правовую комиссию вошли священник И.Кушнер, заместитель Ермоченко в Предсоборной комиссии инженер И.Косяк и М.Волосевич. Вторая подкомиссия была названа хозяйственной, и возглавил ее отец И.Кушнер, секретарем комиссии стал К.Николаевич, членами комиссии – А.Малевич и А.Сенькевич [73, л. 2].

17 августа 1942 года Предсоборная комиссия разработала общий распорядок работы собора.

Всебелорусский собор православной церкви торжественно открылся 30 августа 1942 года молебном в Преображенском храме бывшего женского монастыря. Иерархи белорусской православной церкви планировали его открытие на 28 августа, но Генеральный Комиссариат Белоруссии в лице Леопольда Юрды затребовал Статут и письма к главам автокефальных церквей на утверждение. В связи с этим открытие собора было перенесено на 30 августа 1942 года. Более подробно вмешательство оккупационных властей и белорусской коллаборации в церковные дела будет рассмотрено ниже.

К назначенному сроку прибыли делегаты только двух епархий: Минской и Новогрудской. В Витебской, Могилевской, Смоленской епархиях церковная жизнь к тому времени не была налажена, церковных приходов было организовано мало, поэтому выборы там не проводились. Гродненско-Белостокская епархия находилась за границей после присоединения ее к Восточной Пруссии, и ее архиепископ Венедикт мало интересовался остальной частью Белоруссии. Он на собор не приехал и не прислал ни одного делегата.

Данные о количестве делегатов различны. Так, Анатолий Мельников называет цифру 75 участников: 36 от духовенства и 39 от мирян [64, с. 280], а Афанасий Мартос дает следующую картину: от Минской епархии 26 духовных и 42 светских делегата – всего 68 человек; от Новогрудской епархии 17 представителей духовенства и 22 мирянина – всего 39 делегатов. Всего присутствова-

ло 107 делегатов и три иерарха: архиепископ Филофей и епископы Афанасий и Степан [63, с. 279]. А американский ученый Томас Бирд утверждает, что в работе собора принимало участие около 111 делегатов: среди них епископат и 17 делегатов из Новогрудско-Барановичского прихода, 22 из мирян этой же епархии, 26 делегатов из Минской епархии и 42 делегата из мирян той же епархии, один представитель от Смоленской епархии и члены предсоборной комиссии, которые принимали участие в совещательном голосовании [23, с. 163]. На соборе было преимущество светских делегатов.

Открытие затягивалось и вследствие того, что на нем должен был присутствовать митрополит Пантелеймон. Митрополит Пантелеймон Рожновский являлся главой православной церкви в Белоруссии, и без его согласия постановления собора не могли иметь законной силы. К нему были посланы делегаты – протоиерей И. Балай и С. Менгель. Митрополит приехать отказался, но делегаты привезли его грамоту на имя архиепископа Филофея: «Вследствие моей невозможности по независящим от меня обстоятельствам прибыть на собор, на созыв которого по Вашему желанию я дал свое согласие, я поручаю Вам довести до конца и председательствовать на соборе, если он состоится, как Вы меня об этом просите. Полагаюсь на Вашу епископскую совесть и мудрость, которые, надеюсь, дадут мне возможность утвердить постановления, выработанные на собрании духовенства и мирян под Вашим председательством. Митрополит Пантелеймон, 29 августа 1942 года, м. Ляды Смолевичского района» [23, с. 279-280].

Полномочия митрополита позволили приступить к открытию собора под председательством архиепископа Филофея. Генеральный Комиссар Белоруссии Вильгельм Кубэ позволил его созвать и назначил охрану для участников собора, чтобы они «неустанно трудились на ниве духовного исцеления белорусского народа» [54, с. 82]. В свою очередь, организаторы собора попросили у В. Кубэ разрешения обучать детей в школе религии, считая, что «преподавание в школах религии есть острейшее оружие против большевизма, лучшее средство к созданию антибольшевистской психологии в народе» [54, с. 82].

Участники собора 30 августа 1942 года направили телеграмму на имя А. Гитлера с выражением благодарности. «В истории Белоруссии первый православный собор в Минске передает Вам, господин рейхскомиссар, от имени православных белорусов спасибо от всего сердца за освобождение от безбожного большевизма и за данную нам возможность свободного развития нашей цер-

ковной жизни в форме Святой Православной Автокефальной Белорусской Церкви и желает Вашему непобедимому оружию скорейшей полной победы. 30 августа 1942 года, город Минск», – говорилось в телеграмме [79, л. 6].

На повестку дня собора было вынесено два вопроса: объявление автокефалии православной церкви и утверждение ее Статута.

На рабочем заседании собора при рассмотрении вопроса о введении автокефалии делегаты ограничились докладами об основах введения автокефалии и составлением писем к православным восточным патриархам по рассматриваемым вопросам.

В этом плане примечателен доклад Ивана Кушнера «Вопросы автокефалии в Белоруссии», прочитанный им на заседании собора. В своем выступлении Иван Кушнер дал краткий анализ церковной жизни Белоруссии в военный период, прямо указывая, что именно Генеральный Комиссариат Белоруссии уже 3 октября 1941 года уведомил митрополита Пантелеймона, что разрешение на возобновление церковной жизни связано с тем, как быстро православная церковь в Белоруссии примет название Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь [75, л. 13]. Иван Кушнер утверждал, что автокефальная церковь в период оккупации Белоруссии уже существует фактически, необходимо ее лишь канонически оформить [75, л. 18]. Его поддержал и архиепископ Филофей, который поставил вопрос о признании автокефалии на голосование. Предложение было принять подавляющим большинством голосов при трех воздержавшихся [23].

На соборе был утвержден Статут «Святой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы». В нем содержалось сто четырнадцать параграфов. В сто тринадцатом параграфе было указано, что каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными православными церквями [107].

Анатолий Мельников утверждает, что собор вообще не имел канонических прав, так как его инициатором выступила временная гражданская власть, он преследовал чисто политические цели, а православная церковь в Белоруссии никогда не была самостоятельной, всегда оставалась лишь епархией Русской Православной Церкви и не имела канонического права вообще созывать собор [64, с. 283].

По мнению автора монографии, собор не имеет правовой силы еще и по той причине, что на нем не были представлены все епархии, и тезис, что автокефалия – это выбор всего православного населения Белоруссии оккупационного периода, не является документально подтвержденным.

Провозглашение автокефалий в Белоруссии и Украине, патриотическая деятельность Русской Православной Церкви на неоккупированной части Советского Союза заставили Сталина пересмотреть на время государственную политику в церковном вопросе. 14 сентября 1943 года был создан Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. В Совете был институт уполномоченных, который занимался учетом церквей, регистрацией священнослужителей, рассмотрением жалоб и т.д.

4 сентября 1943 г. состоялась известная первая и последняя встреча в Кремле Иосифа Виссарионовича Сталина с тремя иерархами церкви: Патриаршим Местоблюстителем Сергием (Старогородским), митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским) и митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), который в 1940 году был направлен митрополитом Сергием в город Луцк в сане экзарха Западной Украины и Западной Белоруссии. На встрече в Кремле речь шла о намерении созвать собор епископов Русской Православной Церкви для избрания Патриарха Московского и Всея Руси, нормализации отношений между церковью и государством, объединении всех сил, движений и организаций, выступающих против фашизма. Все решения по нормализации отношений между церковью и государством после кремлевской встречи имели своей целью «обеспечить морально-политическое единство всего советского народа в тяжелые годы войны», а также «не допустить использования церкви как организации в качестве пятой колонны в нашем тылу, на что делали ставку враги Советского Союза, а наоборот, включить церковь в нашу общую борьбу всего советского народа с немецкими захватчиками», – замечал Г.Г. Карпов, который стал первым руководителем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР [61, с. 161-162].

Спустя четыре дня после приема, 8 сентября 1943 года, в Москве состоялся собор епископов, который избрал Патриархом митрополита Сергия. Собор был немногочисленным – не более 20 иерархов. Очевидно, митрополит Сергий все-таки понимал, что с точки зрения православия не так легко было решить, кто же главный враг религии и православной церкви: Гитлер или Сталин. Это звучит в докладе Местоблюстителя Сергия 8 сентября 1943 года на соборе, выбравшем его Патриархом. Вот что он сказал: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что, прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось –

фашисты напали на нашу страну, ее опустошили, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили. Так что уже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране» [1, с. 83]. Но малое количество делегатов дало повод зарубежной Русской Православной Церкви и ряду кругов, в том числе и приверженцам автокефалии в Белоруссии, говорить о том, что так как не было епископов из-за рубежа и наблюдалось явное давление со стороны светской власти, в первую очередь И.В.Сталина, выборы Патриарха были незаконны.

Но И.В.Сталину необходима была поддержка из-за рубежа перед Тегеранской конференцией. Он рассчитывал на открытие второго фронта, и ему нужно было в глазах мировой общественности нормализовать отношения с православной церковью. В мае 1944 года умирает Патриарх Сергий. И хотя у И.В.Сталина была кандидатура митрополита Алексия, но на этот раз светские власти решили не торопиться и сделать выборы нового Патриарха крупным международным событием.

В ноябре 1944 года в Москве состоялся собор епископов, на котором выработали проект по выборам Патриарха и подготовке поместного собора и направили благодарность И.В.Сталину. Поместный собор начал работу 31 января 1944 года и закончил 2 февраля 1945 года. На него были приглашены все зарубежные иерархи Русской Православной Церкви, в том числе митрополит Вениамин из США, который был бывшим управляющим военным и морским духовенством армии Врангеля и являлся постоянной мишенью для критики и брани со стороны атеистического Советского Союза [2, с. 27]. На собор приехало 200 делегатов. Это было едва ли не единственное исключение за все годы войны, кроме военных совещаний, когда не проводились даже партийные съезды и собрания общественных организаций. 4 февраля 1945 года при стечении пяти тысяч верующих в Богоявленском соборе состоялось посвящение в сан Патриарха Алексия. Всем главам зарубежных церквей, прибывшим на Поместный собор, были вручены дорогие подарки. Заручиться поддержкой Русской Православной Церкви как самой крупной поспешили многие иерархи зарубежной церкви.

Как отнеслось руководство Русской Православной Церкви к прямой попытке автокефалии в оккупированной Белоруссии? Постановление собора преосвященных архиереев Русской Православной Церкви гласило: «Всякий виноватый в измене общецерковному

делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана» [106, с. 25].

Патриарх Сергий потребовал от всех священников безоговорочного признания его власти. И перед православным клиром Белоруссии встал вопрос: либо признать власть Московского Патриарха, либо порвать все отношения с Москвой. Архиепископ Филофей и часть православного клира приняли последнее решение, считая, что в Белоруссии должна быть самостоятельная церковная жизнь, ни в коей мере не подчинявшаяся Москве, церковная служба и проповеди должны вестись на белорусском языке, воспитание детей должно быть только в белорусском духе. Все это усугубило раскол среди православного духовенства Белоруссии, который начался в 1941 году в связи с деятельностью нескольких епископов по созданию автокефальной православной церкви, а окончательно укрепился после собора 1942 года.

После предания анафеме московским синодом белорусской церкви архиепископ Филофей вместе с епископами Афанасием, Павлом и Степаном составили протест против Русской Православной Церкви, указав в нем, что Московский синод провозгласил анафему белорусской церкви под нажимом Советского правительства и что белорусская церковь будет существовать независимо от Москвы с помощью немецких властей. Этот протест был передан архиепископом Филофеем по радио и напечатан во всех газетах Белоруссии [3].

Значительная часть белорусского православного духовенства не хотела уходить из подчинения Московского Патриарха в угоду политическим амбициям отдельных представителей клира. Все духовенство разделилось на приверженцев автокефалии (численность которых не превышала одной третьей части от всего духовенства), ее противников и нейтралов. Это ни в коей мере не способствовало укреплению церковной жизни в оккупированной Белоруссии.

Православный клир в период оккупации пользовался лояльностью оккупационных властей и белорусских коллаборантов, что и позволило оживить церковную жизнь в 1941–1944 годах. Кроме того, в Западной Белоруссии церковная жизнь к началу войны не была ликвидирована. Все это давало определенные преимущества православной церкви в Белоруссии перед Русской Православной Церковью и Московской Патриархией. И.В.Сталину потребовалось два года войны, чтобы убедиться в патриотической позиции православного клира и изменить политику советского государства по отно-

шению к церкви. Белорусскому епископату удалось к 1943 году восстановить церковное управление и открыть значительное количество храмов. Не вызывает сомнений и то, что оба собора – и в Минске, и в Москве – проводились под строгим контролем светских властей. Но белорусский клир не смог добиться международного признания автокефалии православной церкви в Белоруссии. Московский же Патриархат, пользуясь поддержкой И.В.Сталина, в условиях войны смог созвать представительный международный Поместный собор. Участники собора не только фактически, но и канонически признали избрание Московским Патриархом Алексия. И именно международное признание Московского Патриархата, по мнению автора монографии, привело к углублению раскола среди православного клира Белоруссии. Уже в 1943 году было очевидно, что вероятность победы СССР в войне велика. Поэтому часть служителей культа оказалась дальновидной, отказавшись сотрудничать с приверженцами автокефалии.

С приближением Советских войск все иерархи-автокефалисты и многие из ее приверженцев среди рядового духовенства выехали за пределы Белоруссии, а оставшееся духовенство попало под юрисдикцию Московской Патриархии и Совета уполномоченных по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР.

Попытка реализовать религиозно-национальную идею в рамках создания национальной православной церкви в условиях немецкой оккупации не увенчалась успехом прежде всего из-за неприятия основной частью рядового духовенства самой идеи создания автокефальной церкви без согласия Русской Православной Церкви и под нажимом оккупационных нацистских властей и белорусских коллаборантов. Высшие церковные деятели – приверженцы автокефалии не смогли убедить оставшееся духовенство, что создание национальной церкви может обеспечить нормальное функционирование церкви как социального института.

Идея создания самостоятельной национальной православной церкви не только существовала, но и активно разрабатывалась как со стороны Генерального Комиссариата Белоруссии, так и приверженцами автокефалии среди высшего духовенства. Если принимать во внимание, что Московская Патриархия пошла на сотрудничество с Советской властью и официально заявила, что православная церковь в СССР не подвергалась гонениям после революции 1917 года, то понятно стремление отдельных представителей православного клира Белоруссии порвать все отношения с Москвой.

Но в условиях оккупации идея создания национальной церкви не стала объединяющей силой. Сотрудничество с оккупационным режимом и белорусскими коллаборантами ради реализации благородной цели не нашло поддержки как со стороны рядового духовенства, так и среди прихожан.

Письма к Патриархам не были подписаны и в 1943 году. Тогда 16 апреля 1944 года был срочно привезен в город Минск и поселен в своих митрополичьих покоях митрополит Пантелеймон Рожновский. Под его руководством состоялось заседание синода, однако письма к Патриархам не были подписаны. Было послано письмо от имени православного белорусского епископата в Генеральный Комиссариат Белоруссии с просьбой наделить 33 гектарами земли каждую приходскую церковь в связи с ликвидацией колхозов [63, с. 281].

В середине мая 1944 года по инициативе оккупационных властей был созван новый собор епископов, заседания которого проходили под председательством митрополита Пантелеймона. На этот собор приехал и епископ Венедикт Бобковский. Оккупационные власти и представитель президента БЦР – гость собора митрополит Александр – требовали осуждения избрания в городе Москве Патриарха Сергия. Для этого немецкие власти даже прислали уже составленную декларацию. Однако епископы резко выступили против вмешательства гражданской власти в церковные дела. На этом соборе архиепископ Венедикт Бобковский был награжден высшей церковной наградой – бриллиантовым крестом. Собор закончился в спешке, так как приближались части Красной Армии.

Решение кадровых проблем. Уже в 1941 году стало очевидным, по мнению автора монографии, что одним из главных препятствий для превращения церкви в сугубо белорусский институт был кадровый вопрос. Кадров не хватало катастрофически. Если в западных областях Белоруссии особой нужды в священниках не было, то в центральных и восточных районах ощущалась огромная нехватка кадров. Следует учитывать, что по территориальному разделу территория Белоруссии уменьшилась вследствие отсоединения наиболее благополучных в кадровом обеспечении областей.

Необходимо было открывать учебные заведения, где в короткий срок готовили бы священников. Были созданы курсы для подготовки кандидатов на священно-церковнослужительские должности. Они открылись в городах Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и в Жировицком монастыре при консисториях. Слушатели изучали священное писание Ветхого и

Нового Завета, библейскую историю Ветхого и Нового Завета, катехизис, церковную историю, секстановедение, пастырское богословие, церковно-славянский язык, церковное пение, церковный устав, гомилетику (вместе с написанием проповеди) [4].

Но эти курсы не решили проблемы кадров, поскольку духовенство в период оккупации раскололось на несколько групп, которые образовались после начала кампании по созданию автокефальной православной церкви в Белоруссии в годы оккупации. Во вновь открывшихся храмах священнослужители выполняли свой пастырский долг, а проповеди читали, исходя из своих убеждений и отношения к процессу автокефалии. Приверженцы автокефалии, особенно из Восточной Белоруссии, в проповедях призывали своих прихожан «не радоваться приходу к нам большевиков», предупреждали, что это «большая ошибка, не забывайте, что большевиков следует бояться. В Советском Союзе тысячи людей проливают кровь, над ними издеваются и расстреливают, православную веру в Бога большевики уничтожили, такое же ожидает и нас», советовали «бояться большевиков, как огня, и делать все, чтобы большевиков в Белоруссии не было» [3]. Православному клиру было очень трудно поверить даже после прихода Советских войск, что изменится политика Советского государства по отношению к религии. Они говорили своим прихожанам: «Политика Советской власти не прочна. Предоставленные нам права служить – это временное явление. Снова скоро начнутся аресты епископов и священников, и снова будут закрываться церкви. Большевики и сейчас думают так – ах, жаль, что мы всех священников не переловили и не пересажали» [3]. Священнослужители-приверженцы Московского Патриарха были осторожнее в своих высказываниях и ограничивались проповедями на евангельские темы.

Часть духовенства не пошла на разрыв с Московским Патриархатом и открыто игнорировала политику автокефалистов. Многие из них не стали работать на духовном поприще в годы войны, как, например, Михаил Яковлевич Цебриков, который закончил в 1894 году Виленскую (Литовскую) духовную семинарию, а в годы оккупации работал учителем в Жировицкой народной школе преподавателем русского и славянского языков [37, л. 15]. А Дмитрий Петрович Огницкий, ставший в 1932 году магистром богословия Варшавского университета, владевший польским и французским языками, работал с 1941 года по 1944 год преподавателем Щучинской семилетней школы [37, л. 42].

О расколе среди православного духовенства священнослужители говорили открыто еще в период оккупации. Священник Гомельской Георгиевской военной церкви Николай Гейрох прямо указывал, что в православной церкви в Белоруссии имеется два основных направления. Одно из них, возглавляемое митрополитом Пантелеймоном, придерживалось патриаршей ориентации, признавая главой лишь Московского Патриарха, а после его смерти – Патриаршего наместника. Другое, возглавляемое архиепископом Филофеем, власти Московского Патриарха не признавало, выступало за автокефалию. Оно пользовалось полным доверием и поддержкой со стороны оккупационной власти. Автокефалисты широко практиковали возведение в сан священника лиц, не имеющих духовного образования и до войны ничего общего с церковью не имевших, но доказавших в период оккупации свою преданность [3]. Себя же Николай Гейрох причислял к автокефалистам, указывая, что, «начиная с 1926 года, считает себя убежденным сторонником автокефальной церкви, убежден, что в Белоруссии должна быть самостоятельная церковная жизнь, ни в коем случае не подчиняющаяся Московской Патриархии. Церковная служба и проповеди должны проводиться только на белорусском языке, равно, как и воспитание детей должно вестись только в белорусском духе» [3].

Чтобы улучшить тяжелое положение с кадрами, в Гродненском епархиальном управлении был издан циркуляр за № 39 от 21 января 1942 года. Он был разослан всем благочинным епархии за подписью члена епархиального управления Евгения Котовича. В циркуляре указывалось, что восточные области Белоруссии нуждаются в достойных, бескорыстных священнослужителях, и предлагалось всем желающим отправиться с миссионерской деятельностью в восточные области для борьбы с безбожием, которое там воцарилось при Советской власти. Добровольцы нашлись. Они были направлены в город Минск в распоряжение митрополита Пантелеймона [4].

С 1943 года кадровому вопросу иерархи белорусской православной церкви уделяли очень большое внимание, понимая, что успех их деятельности зависит от уровня подготовки рядовых церковнослужителей, которые будут непосредственно проводить идею белорусской православной автокефалии в жизнь. 15 апреля 1943 года открылись вторые богословско-пастырские и псаломщицко-певческие курсы в г. Минске. Курсы работали шесть месяцев. На обучение принимались лица с законченным средним образованием. Поступающие прилагали метрику о рождении (женатые – венчальную метрику), автобиографию, заявление на имя архиепископо-

па Филофея, справку об образовании, свидетельство о моральности от настоятеля и благочинного. Курсанты жили «в общежитии с гарантированной постелью без стола» [11]. На курсах преподавали архиепископ Филофей (пастырское богословие), протоиерей Иосиф Балай (догматика, моральное богословие, литургика, методика Закона Божьего, церковно-славянский язык), протоиерей Иван Кушнер (апологетика, гомилетика, церковная история), Константин Балай (белорусский и немецкий языки), священник Николай Лапицкий (церковная история), профессор Волосович (Священное Писание Нового и Ветхого Завета), Виталий Боровой (церковная история), Краснопевцев (церковное пение) [3].

В апреле 1944 года было подготовлено двадцать два кандидата на священников, четверо из которых уже получили свидетельства [19]. Всего с 1941 по 1945 годы в Белоруссии было посвящено в сан священника 213 человек. По социальному составу среди них было 17 учителей, 16 рабочих и 27 крестьян-единоличников. Но были еще и «самосвяты» – священники, которые посвящали в сан сами себя. Это было обусловлено нехваткой кадров [70, л. 51, 52].

С согласия и разрешения Белорусской Центральной Рады в 1944 году проектировалось открыть духовные семинарии с шестилетним курсом обучения. В первую очередь планировалось «открыть полуторные и шестые классы». Белорусская Центральная Рада обещала оказать им материальную поддержку.

Были сложности и с введением в богослужение белорусского языка. Звучали многочисленные призывы со страниц оккупационной прессы пользоваться литературным белорусским языком в процессе богослужений. Белорусские национальные деятели требовали от епископата более жесткого контроля за произнесением проповедей на белорусском языке. Священников, которые не владели белорусским языком, отстраняли от работы. Так, отвечая на вопрос прихожан, священник Минской Александро-Невской церкви отмечал: «Я часто слышу от вас, почему я редко выступаю с проповедями. Это я делаю потому, что не владею белорусским языком, а чтение проповедей на русском языке всем священникам запрещено нашим высшим белорусским духовенством» [3]. Но, как писал в «Беларускай газэте» «голос прихожанина» от 28 июля 1943 года: «...на жаль, прыходзіцца канстатаваць, што нашы ...святары далёка не ўсе дасканальна валодаюць беларускай моваю, таму казанне траціць сваю вартасць, а разам з гэтым траціць сваю вартасць і казальнік: ён выглядае не як чалавек, які працуе дзеля ідэі, а як чалавек, які змушаны працаваць так сілаю рэчаў» [15].

Именно Гродненская епархия стала местом, куда бежали от наступающей Советской Армии, боясь репрессий, священнослужители и иерархи белорусской православной церкви. И не только белорусской. В город Гродно прибыло 23 человека – 16 священников и 7 псаломщиков из различных областей: Киевской, Могилевской, Полоцкой, Житомирской, Смоленской, Волынской, Витебской, Пинской. Архиепископ Венедикт назначал их на приходы [4].

После собора 1944 года все иерархи Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви выехали в город Гродно. Одновременно они выслали из бывшего женского монастыря города Минска мощи святого младенца Гавриила. Мощи прибыли в гестапо города Гродно 9 июля 1944 года. Они представляли собой высохший труп младенца Гавриила. Архиепископ Минский Филофей Нарко поручил архиепископу Смоленскому Степану отправить их в Гродно. В Гродно святые мощи в гестапо получили архиепископ Филофей с монахом Леонтием, Филипп Рубан и Федор Валиковский. Архиепископ Филофей просил гестапо поскорее отправить бежавшее из города Минска духовенство: митрополита Пантелеймона Рожновского, архиепископа Филофея Минского, архиепископа Степана Смоленского, епископа Павла, епископа Витебского Афанасия и других. Работник гестапо заявил, что для бежавшего духовенства и мощей выделено два вагона, просил приготовить вещи для погрузки и подготовиться к отправке.

Решили покинуть епархию, опасаясь репрессий, архиепископ Венедикт Бобковский и епископ Григорий Боришкевич. Они не стали брать с собой всю казну епархиального управления, составлявшую 40 250 немецких марок, а ограничились 15 000 немецких марок и продуктами на дорогу. На вокзале архиепископ Венедикт оставил Евгению Котовичу письменное указание о передаче ему всего управления епархией. Евгений Котович и управлял ею до своего ареста органами НКВД в декабре 1944 года [4]. После отъезда архиепископа Венедикта и епископа Григория Боришкевича в Белоруссии не осталось ни одного епископа.

Открытие храмов и возобновление церковных служб. Возобновление церковных служб на оккупированной территории Белоруссии произошло относительно быстро. Уже спустя несколько дней после прихода немецких войск в город Гродно в городском соборе был проведен благодарственный молебен в честь освобождения города от Красной Армии и Советской власти. Этот молебен служили священник кафедрального собора Федор Валиковский, священник Геннадий Моисеев, протодиакон Филипп Рубан под

руководством настоятеля Геннадия Боришкевича [4]. Боришкевич произнес короткую речь, в которой поблагодарил командование немецкой армии за освобождение Гродно от Советской власти и призвал верующих к повиновению немецким властям. В конце молебна было произнесено многолетие Адольфу Гитлеру – вождю немецкого народа и армии. Многолетие произносил протодиакон Филипп Рубан, а затем его пел церковный хор под руководством Федора Валиковского [4].

Первое богослужение в городе Минске в начале войны состоялось в Преображенской церкви женского монастыря еще в июле 1941 года. Осенью того же года были возобновлены богослужения в Катериновском соборе и Александровской церкви на военном кладбище, а в конце 1941 года начались службы в деревянной железнодорожной церкви.

Летом того же года начались службы в мужском монастыре и в Сторожевской церкви Марии-Магдалины, которая была закрыта в 1937 году. Еще в июле 1941 года Филофей Нарко назначил настоятелем Сторожевской церкви протоиерея Константина Шашко. Шашко родился в Докшицах, учился в Виленской духовной семинарии. Став настоятелем церкви Марии-Магдалины, он с прихожанами отстроил церковь на деньги прихода [16].

В августе 1941 года по распоряжению митрополита Пантелеймона Рожновского и архиепископа Венедикта Бобковского и с санкции оккупационных властей из Жировицкого монастыря выехал в Минск архимандрит Серафим Шахмуть. В январе 1942 года по распоряжению церковных властей архимандрит и священник Владимир Кударенко были направлены в Восточную Белоруссию для организации церковной жизни. Архимандрит Серафим проинформировал отдел пропаганды Генерального Комиссариата Белоруссии, что на территории Восточной Белоруссии нет ни одного епископа, нигде, кроме двух церквей в городе Орше, не было ни одной открытой церкви, духовенство было сослано, а церковное имущество разграблено [3].

Их маршрут пролегал через города Витебск, Быхов, Могилев, Гомель, Оршу [3]. По мере продвижения они открывали церкви и улаживали спорные вопросы с представителями оккупационной власти. В Минск возвращались через Копыльский и Слуцкий районы Минской области. По пути следования они открыли церкви в городах Копыле, Слуцке, Узде, местечках Тимковичи, Семковичи, Романово, Грозово, Греск, Песочное, селах Ляшно, Клевичи, Быстрица, Воробеевичи, Евангелики, деревне Семеновичи [3]. За вре-

мя пребывания в районах Витебской, Могилевской и Гомельской областей Серафимом Шахмутем и Григорием Кударенко было проведено более девяноста различных богослужений [3].

13 февраля 1944 года была торжественно освящена Козыревская церковь в Минске. Священники этой церкви были арестованы в 1937 году, а церковь разграблена и сожжена. Осенью 1943 года группа верующих обратилась к архиепископу Филофею с просьбой дать разрешение на восстановление храма. Филофей поручил настоятелю железнодорожной церкви Николаю Лапицкому и священнику Язэпу Голубу непосредственно руководить работой. После получения разрешения немецкого командования началось строительство. Денежные средства собирали прихожане по подписным листам. Всего было собрано свыше 200 000 рублей [18]. На освящение церкви прибыли Филофей, представители гражданской и военной властей. Архиепископ Филофей сказал в приветственном слове: «Сэрца цешыцца, што ў сённяшнія ваенныя часы мы бачым вялікі маральны зрух наперад, што мінулі часы, калі блудныя сыны нашай Праваслаўнай Царквы пакідалі сваю веру, бэсцілі і іншыя свае святыні, слухалі бязбожных агітатараў, браліся жыць без Бога, хочучы стварыць рай на зямлі. Не стварыўшы сабе шчаслівага жыцця, яны пацярпелі за свае грахі і пазналі ці мала бяды і гора. Апамятаўшыся ўрэшце, пачынаюць яны сёння ізноў вяртацца да Бога, разам з іншымі вернікамі аднаўляючы ў Менску святыні, аб чым сведчыць і сённяшняя ўрачыстасць» [18].

Открытие новых церквей продолжалось. Так, к 1943 году в городе Бобруйске Могилевской области были открыты и начались богослужения в церквях на христианском кладбище и на хуторе Луки, отремонтирован городской кафедральный собор, восстановлена церковь на Березинском форштаде, построена церковь в пригороде Титовка. Всего в Бобруйском районе было построено и восстановлено 10 церквей [98], а в Бобруйской округе насчитывалось 20 православных церквей, в которых были священники и проходили службы. Кроме этих двадцати церквей, ремонтировались Горбацевичская, Добасьнянская, Городецкая, Черговицкая, Поцаво-Слободская и др. [13].

За время немецкой оккупации во всех уездах бывшей Витебской губернии, в городах Невеле, Городке, Полоцке, Дриссе, Сураже, Велиже, Себеже, Людине стали действовать православные храмы [1, с. 91].

Первая церковь в городском поселке Заславль одноименного района Минской области возобновила работу 2 ноября 1941

года. В течение 1943-1944 годов в г.п. Заславль была отремонтирована Свято-Преображенская церковь. Два иконописца написали 80 больших икон, заново был отстроен иконостас, уничтоженный в 1939 году. Всего в Минской епархии в 1941 году было открыто около 120 приходов.

После приезда в Смоленск епископа Степана стали функционировать Смоленская кафедральная церковь, Гузьевская, Тихвинская и Всесвятская церкви. В Могилеве функционировали три общины. В городах создавались церковные округа. В Орше насчитывалось десять общин, в Шклове – семь, в Борисове – двадцать одна [23, с. 203-204]. Состав духовенства пополнялся в основном за счет священников, приехавших из Польши, уцелевших после репрессий местного духовенства. Кроме этого, избирались и посвящались люди, утвержденные церковными общинами. В основном это были бывшие учителя [23, с. 203-204].

В 1943 году по всей Белоруссии было открыто свыше 78 приходов. А за первые месяцы 1944 года только в Минской епархии было открыто 5 приходов [19]. К 1942 году число православных верующих достигало 12 миллионов человек, что составляло примерно 85 % от всего населения оккупированной Белоруссии (по данным белорусского епископата) [58, с. 124].

Вновь открытые церкви владели различной величины земельными угодиями – от одного гектара при церкви в деревне Дрисвяты Вилейской области до 93 гектаров при церкви в деревне Новый Погост Браславского района той же области [33, л. 20, 40]. Число прихожан при действующих церквях тоже было различным, среднее количество прихожан по приходам составляло примерно тысячу. Одним из самых многочисленных приходов был приход церкви деревни Новый Погост Миорского района Вилейской области – три с половиной тысячи прихожан [33, л. 40].

Прихожане радостно приветствовали открытие церквей, особенно в Восточной Белоруссии. Люди несли в новые церкви сохранившиеся ризы, кресты, евангелия и другую утварь, энергично помогали при ремонтах храмов. Взрослые приводили в церкви детей и подростков [3].

Открытие храмов, как правило, проходило при большом скоплении народа. При открытии Покровской церкви в городе Витебске прихожане рыдали так сильно, что священник вынужден был сделать перерыв [3].

Во вновь открывшихся церквях состоялось огромное количество крещений и венчаний. В первые три-четыре месяца оккупа-

ции города Минска было крещено 22 000 детей. Священники венчали одновременно по 20–30 пар [1, с. 87]. Большинство прихожан ходили на исповедь. Самым характерным фактом деятельности православной церкви в Белоруссии было массовое крещение детей, от самых маленьких до 17-18-летних. Достаточно часто городские священники, окрестив детей своих приходов, выезжали в деревни. Они останавливались в какой-либо деревне и крестили детей со всей округи, совершая ежедневно по 150–200 крещений [1, с. 87].

Во время оккупации священнослужители вновь стали заполнять метрические книги, многие из которых велись с конца XIX века, но записи в них приостановили при Советской власти.

При строгом ограничении церковной жизни в Гродненской епархии оккупационными властями все же иногда проводились праздники. Таким событием стало освящение церкви в селе Заблудово Белостокского района одноименной области в июне 1944 года. Пропуск на проезд получили в Комиссариате г.Гродно через посредничество И.Л.Рея и были командированы в Заблудово архиепископом Венедиктом епископ Григорий Боришкевич, Филипп Рубан, Никита Томчук. На освящение церкви прибыли священники близлежащих приходов, представители белорусских организаций и немецкой власти. Вся процедура длилась около двух часов. Престол в церкви был разобран, и его собирали вручную во время освящения. Гвозди забивали не молотками, а специально подготовленными 5 камнями. После монтажа престола его обмывали водой, затем протирали вином с маслом, накрывали церковным материалом. Далее обходили церковь снаружи и кропили ее водой. Затем прошла литургия. Проповедь призносил на белорусском языке священник местечка Свислочь Зноско Алексей. После литургии состоялся молебен во дворе церкви, так как всех желающих церковь не могла вместить. После епископ Григорий Боришкевич прочитал проповедь, в которой поблагодарил население за оказанную помощь в ремонте. Особую благодарность он высказал немецким представителям, которые предоставили строительные материалы. На освящении присутствовали примерно 500 прихожан [4].

Практически при каждой вновь открывшейся церкви создавались добровольные комитеты помощи бедным и жертвам войны. Так, в городе Минске каждая церковь 10 % от своего дохода перечисляла на помощь бедным [18]. А в Бобруйской округе в «Фонд помощи вдовам и сиротам», который помогал вдовам и сиротам, семьям сосланных Советской властью священников, ежемесячно

перечислялось 2 % от общей прибыли со всех церквей и добровольных пожертвований верующих [13].

В сентябре 1942 года прихожане Николаевского собора города Бобруйска на помощь госпиталю военнопленных, дому младенца и детскому дому пожертвовали более 200 полотенец, полотно, салфетки, марлю. Кроме того, вдовам духовенства и старым больным людям была оказана денежная помощь в размере 11 073 рубля. Сбор средств проводился при каждом богослужении [13].

В городе Минске существовал и миссионерский комитет, который духовно помогал беженцам и больным. Два священника этого центра опекали детские дома и больницы. Проводились богослужения и в лагерях для военнопленных. Единичными результатами таких служб являлся постриг в монахи некоторых военнопленных.

12 апреля 1944 года в Свято-Духовом мужском монастыре города Минска состоялась служба. После нее перед прихожанами выступил детский хор в составе девятнадцати детей детского дома № 4. Хор исполнил псалмы и молитвы. Прихожане пожертвовали детям значительные денежные суммы [19].

В связи с открытием церквей требовалась церковная утварь. Для этого в городе Минске была открыта мастерская, где изготавливали венки и цветы, женщины шили церковное облачение, получая за это 35 марок в месяц [3]. А в ноябре 1943 года Минский исторический музей передал через священника Николая Лапицкого белорусской православной митрополии в городе Минске церковную коллекцию из тридцати трех предметов. В нее вошли Цветная триодь (1668 года), Антиох (1699 года), Триодь постная (1745 года), Служник (1748 года), Наука (1780 года) [83, л. 15, 17].

Ширилась и издательская деятельность церкви. В начале 1944 года в Минске был издан «Настольный календарь белорусского православного крестьянина». В нем содержались основные сведения о православных святых, восходе и заходе солнца, долготе дня, описывался труд крестьянина, приводились евангелистские тексты. Подобный календарь вышел и в городе Гродно. Были подготовлены к печати учебник по закону Божьему и молитвенник. На 1944 год проектировался выпуск Нового Завета на славянском и белорусском языках, а также служника и требника.

В июле 1943 года в городе Бобруйске вышел первый номер газеты «Благовест», ответственным редактором которой стал священник Бобруйского Николаевского собора Николай Яссинский. В газете наряду с материалами религиозного характера публикова-

лись статьи антисоветского содержания. Эта газета по ориентации была близка газете «Новый путь». Однако после ряда поражений немецких войск на фронте в 1943 году газета «Благовест» была закрыта. Увидели свет только три ее номера [3].

Священник деревни Кузьмичи Волковысского района Белостокской области Михаил Гапоник с осени 1939 года по июнь 1944 года выпустил 22 экземпляра рукописного религиозно-исторического журнала «Отечество», в котором выражал свои антисоветские взгляды. Приход немцев отец Михаил встретил с надеждой, что гитлеровцы принесут свободу Белоруссии и прекратят гонения на православную церковь. Священник был настроен антисоветски из-за отделения церкви от государства и гонения на православие. Журнал распространялся среди знакомых священника и прихожан [4].

Кроме того, каждое воскресенье по радио передавались церковная служба и концерт духовной музыки. Выступал и митрополит Пантелеймон Рожновский, который перед праздниками поздравлял верующих и призывал бороться за «самостоятельную Белоруссию» [3]. Два раза в месяц по радио транслировалась служба из церкви Преображенского монастыря города Минска. Службу отправлял архиепископ Филофей [3].

Особенно оживлялась церковная жизнь перед праздниками. К подготовительной работе привлекались женщины, церковные хоры. Уже в ноябре 1941 года по просьбе настоятеля Минского Петро-Павловского собора отца Иосифа Балая хормейстером Белорусского театра М.И. Николаевичем был организован митрополичий хор, в который вошли лучшие певцы хора оперной группы Минского Белорусского театра, 16 его главных солистов и солисток, в том числе Лопатин, Некрасов, Востоков, Пукст, Чемерисова [88, л. 22]. Распоряжением архиепископа Филофея кафедральный собор должен был платить на содержание хора 5 600 рублей в месяц в расчете 500 рублей на каждого участника хора и 600 рублей регенту [88, л. 22]. Однако тяжелое материальное положение православной церкви привело к тому, что после первых четырех месяцев существования хора кафедральный собор задолжал ему 20 000 рублей [88, л. 22]. Хор исполнял в субботу Всенощную литургию в течение двух часов, по воскресеньям – архиерейскую литургию и проводил по две спевки в неделю [88, л. 22].

Белорусский композитор Микола Куликович-Щеглов пригласил митрополичий хор на создание программ для белорусского радиовещания. Программы включали в себя белорусские народные песни [88, л. 23].

В Петро-Павловском соборе города Минска был детский хор, в котором пело около тридцати детей. Хор считался любительским, но собор выплачивал на его содержание примерно 1 000 рублей в месяц. Из этих денег и платилось жалованье регенту хора Анастасии Федоровне Алексеевой [3].

В 1944 году широко отмечалось Крещение. В среду, 19 января 1944 года, в Минске начались торжества. Верующие не поместились в шести церквях города. В 10 часов 30 минут начался крестный ход. Красиво была украшена колонна железнодорожной церкви. Празднично одетые женщины и дети – ученики церковной школы при железнодорожной церкви – несли иконы святой Евфросиньи Полоцкой. Пел церковный хор под руководством Левченко. По дороге к ним присоединилась процессия желтой церкви. Колонны всех минских церквей – железнодорожной, желтой, сторожевской, Свято-Духова монастыря и церкви на военном кладбище – соединились на детинце митрополичьей церкви. После обедни, которую отслужил архиепископ Филофей, процессия примерно в две с половиной тысячи человек и духовой оркестр белорусской полиции двинулись на реку Ярдань [17]. После службы на реке верующие вернулись в церковь, где архиепископ Филофей обратился к ним со словами: «Цешся, беларускі народзе, што ты можаш вольна маліцца Богу. Ты прайшоў цяжкі шлях жорсткага праследвання, але вера твая непахісна жывець і сегодня. Дык гуртуйцеся пад сцягі Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы і моцна трымайцеся праваслаўнай веры, не гледзячы ні на якія цяжкасці, што могуць вас сустрэць на жыццёвым шляху» [17].

Таким образом, анализ количества действующих храмов в Белоруссии в годы войны позволяет утверждать, что их открытие проходило неравномерно, преимущественно в центральных районах. И хотя к 1945 году число православных храмов достигло 1 044 единиц, но только 672 из них были зарегистрированы после прихода Советских войск [95, л. 14; 25]. Их количество превысило довоенный уровень на 236 церквей, но удовлетворить потребности населения в культовых зданиях не удалось. Открытие новых храмов практически не наблюдалось в западных областях Белоруссии, и это объясняется тем, что в них церковная жизнь не была разрушена за 1939 – 1941 годы. Были назначены епископы во все епархии, но архиепископ Филофей так и не выехал в город Могилев, а епископ Григорий Боришкевич не поехал в город Гомель, остался в городе Новогрудке и епископ Афанасий Мартос. Все эти факты свидетельствуют о неразвитости церковной жизни в этих регионах.

Деятельность монастырей. К июню 1945 года на территории Белоруссии действовало три монастыря: в городе Гродно – женский «Рождества Пресвятой Богородицы», в Жировицах – мужской «Святого Успения», в городе Полоцке – женский Спассо-Ефросиньевский монастырь [91, л. 75].

Центральное место в церковной жизни военной Белоруссии занимал Жировицкий монастырь, который находился в Барановичской области. В мае 1945 года в монастыре жили 25 монахов, одна треть из которых были нетрудоспособны (старики, один карлик и один душевнобольной) [93, л. 7]. В монастыре жили сапожник и портной. Монастырю принадлежало 9 гектаров луга и 22 гектара пахотной земли, монахи имели еще 9 гектаров луга, на которых выращивали зерновые культуры и картофель [92, л. 58].

Жировицкий архимандрит Серафим Шахмуть, который был близким и доверенным лицом митрополита Пантелеймона, стал в годы оккупации попечителем всех вновь открывающихся храмов.

Во многом лицо монастыря определяет его настоятель. Настоятелем Жировицкого монастыря в 1942 году стал Серафим Кудрявцев. Он заменил уехавшего в Гродно архиепископа Венедикта Бобковского. Серафим Кудрявцев был выходцем из протоиереев, долго священствовал в селе Клещели Белостокского воеводства. Согласно рассказам хорошо знакомых с ним лиц, Серафим Кудрявцев (до монашества Владимир Кудрявцев. – С.С.) в те годы находился в «духовной прелести». Митрополит Дионисий «за пастырскую ревность» наградил его митрой. Получив ее, Кудрявцев стал стремиться получить епископский сан. Для этого ему необходимо было принять монашество. Но была жива его жена, что было препятствием для пострига в монахи. Эту преграду протоиерей решил весьма оригинальным способом. В 1939 году он отправился на богомолье в Почаевскую Лавру. Будучи в Лавре, ночью пришел в Пещерную церковь, где два монаха – игумен Антоний и его помощник иеромонах Иезекиль – читали акафест у мощей преподобного Иова. Протоиерей Кудрявцев объявил им, что ему наяву явился Серафим Саровский и повелел немедленно принять монашество с его именем. Монахи, ошеломленные заявлением Кудрявцева и его возбужденным состоянием, тут же в церкви совершили постриг и нарекли его Серафимом. Когда наместнику Лавры и митрополиту Варшавскому Дионисию стало известно об этом, монахи были наказаны, а протоиерей Кудрявцев был лишен всех священнических наград. Его монашество не было признано. Но в 1939 году митрополит Дионисий лишился церковной власти над терри-

торией Западной Белоруссии, и в начале 1941 года протоиерей Кудрявцев приезжал в Жировицкий монастырь и просил правящего архиепископа Пантелеймона признать его монашество и вернуть награды. Митрополит отказал. Однако в 1942 году при помощи архиепископа Филофея он добился признания монашества и возвращения наград. В том же году он стал настоятелем Жировицкого монастыря. В годы оккупации Кудрявцев был участником Всебелорусского церковного собора. Он непременно бы добился архиерейского сана, но неожиданно умер в июле 1943 года и был погребен за алтарем Явленской церкви в Жировицком монастыре [24].

После смерти Серафима Кудрявцева настоятелем монастыря стал игумен Боголеп (Анцух), который пробыл в этой должности с 1943 по 1947 год. О нем известно мало: родился в 1911 году, в монастырь поступил в 23 года. После Серафима ему пришлось налаживать монастырскую жизнь. По его ходатайству перед Советской властью за Жировицким монастырем были оставлены те же угодья, что и при Польше [24].

На время немецкой оккупации возобновил свою работу 17 августа 1941 года женский Спассо-Преображенский монастырь в городе Минске, в котором жили двенадцать монахинь и пять священников, в том числе и архимандрит Серафим Шахмуть и Владимир Финьковский [3]. По благославлению протоиерея Иосифа Балая Михаил Гагаренко, выпускник пастырских курсов, приступил к работе по открытию в Минске Свято-Духова мужского монастыря. 15 мая 1942 году Свято-Духов мужской монастырь возобновил свою работу, его главный храм был освящен архиепископом Филофеем. Настоятелем монастыря стал личный келейник митрополита Пантелеймона Рожновского Юлиан Троцкий, игуменом монастыря был Пантелеймон Тумановский, в монастыре жили два послушника [110, с. 25].

Возобновил свою деятельность на некоторое время и Лядянский мужской монастырь, находящийся в местечке Ляды Червенского района Минской области, штат которого по монастырскому Уставу состоял из 13 человек. В этот монастырь затем был выслан митрополит Пантелеймон [110].

В 1942 году возобновил свою деятельность Спассо-Евфросиньевский женский монастырь города Полоцка Витебской области. Монахини разместились в правом крыле монастыря, а в левом был лагерь для военнопленных. С разрешения немецких властей 23 октября 1943 года из города Витебска в Спасскую церковь были возвращены мощи преподобной Евфросиньи. Сначала мощи были

помещены в Софийский собор, а оттуда торжественно перенесены в Спассо-Евфросиньевскую обитель [111, с. 75]. На июнь 1945 года в монастыре было 50 монахинь в возрасте от 55 до 70 лет. Настоятельницей монастыря была игуменья Новикова [96, л. 278]. При монастыре была лишь одна церковь, на территории монастыря сохранился один каменный дом, остальные здания были разрушены. Монастырь владел небольшим огородным участком в размере 2 гектаров, земельного участка у монастыря не было. Не было и хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, скота и птицы. Годовой доход от приношений верующих составлял 90 000 рублей [96, л. 278].

Женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, расположенный в г. Гродно Белостокской области (с сентября 1944 года – Гродненской области), насчитывал в июне 1945 года 65 монахинь. Игуменьей монастыря была Серафима Фирман. Все монахини были преклонного возраста [39, л. 5].

Очень непродолжительное время действовал Ченковский монастырь в Гомельской области. К сожалению, не сохранилось данных ни о количестве монахов, ни о его хозяйственной деятельности. Известно только, что в ходе карательных экспедиций оккупантов в Ченковском монастыре сожгли две церкви и жилые корпуса, монахов и монахинь разогнали, имущество разграбили. Сожгли и свечной завод при монастыре [90, л. 21].

Оживление монастырской жизни явилось прямым следствием общего оживления церковной жизни в период оккупации. Это объясняется открытием церквей и воссозданием приходской жизни, общим повышением религиозности населения в годы войны. Монастыри становились для монахов и монахинь островками спасения в годы оккупации, в монахи шли, как правило, престарелые люди, которые лишились родственников и не могли рассчитывать на помощь в старости. Были случаи, когда монахами становились советские военнопленные, которым удалось убедить начальников лагерей для военнопленных в том, что они являются служителями культа. Так стал монахом мужского монастыря города Минска военнопленный Алексей Петрович Сафонов.

Но с приближением Советских войск на территории Белоруссии осталось только три действующих монастыря, остальные самоликвидировались, боясь репрессий со стороны Советской власти. Первые аресты священнослужителей начались уже в 1944 году, в их число попали также монахи и монахини. Монастырская жизнь стала вновь переживать тяжелый период своей истории.

Церковное строительство в июле 1944 – мае 1945 годов. С приходом Советской армии на территорию Белоруссии постепенно распространилась и политика Советского государства по отношению к религии, которая с началом Великой Отечественной претерпела изменения.

После полного освобождения Белоруссии от оккупантов церковное строительство свелось только к представлению в Комиссию по ущербу сведений, касающихся причиненного немецко-фашистским режимом урона. Было составлено 62 акта об ущербе учреждениям религиозного культа на сумму 86 091 230 рубля [89, л. 6]. Начались аресты священнослужителей, замешанных в связях с оккупационными властями и белорусскими коллаборантами.

В первых числах августа 1944 года на квартире дьякона Екатерининской церкви Петра Глинкова собралось шесть священников города Минска. Они обсуждали вопрос о направлении делегации в Москву в Синод для ускорения назначения епископа, который бы возглавил православную церковь в Белоруссии. Этому заседанию предшествовала попытка священника Арония Жебуртовича решить вопрос в соответствующих советских учреждениях белорусской столицы, но городские и республиканские власти не дали никаких рекомендаций по поводу духовного правления в Белоруссии, предложив ожидать решения этого вопроса в Москве. После этого было проведено собрание, на котором было решено послать письмо в Синод. В письме говорилось, что «немцы не давали нам свободно молиться Богу и даже не разрешали открывать церкви, после бегства немцев мы можем открывать церкви и отправлять религиозные обряды» [3]. Однако мнения духовенства разделились. Большая часть считала, что церковь отделена законом от государства и духовенство не имеет права насильственно воздействовать «на свободную волю митрополита Сергия» [3]. Поэтому письмо в Москву так и не было отправлено. Эта попытка белорусского клира как можно быстрее наладить церковную жизнь после июля 1944 года показала, что белорусские священники, оставшиеся на освобожденной территории республики, были готовы поддержать Московскую Патриархию и сотрудничать с Советской властью, тем самым некоторым образом обезопасить себя от репрессий со стороны органов государственной безопасности.

Позже церковную жизнь в Белоруссии возглавил по распоряжению Московской Патриархии архиепископ Василий Ратмиров – почетный настоятель Жировицкого монастыря. Достаточно примечательна церковная карьера архиепископа. В 1921 году его ру-

коположили в сан епископа, однако, вскоре он снял с себя сан и ушел в обновленцы. В 1941 году принес покаяние и был принят в сан на Калининскую кафедру. А в сентябре 1944 года был назначен архиепископом Минским и Белорусским, но проработал на этом посту лишь до 1947 года, после чего был отправлен «на покой». Умер он в 1980 году. Политикой, проводимой в освобожденной Белоруссии, архиепископ Василий хотел оправдаться перед Московской Патриархией за уход в обновленцы.

Советские власти вовсе не стремились создать благоприятные условия для православной церкви. В начале октября 1944 года в Минске состоялось республиканское совещание по агитации и пропаганде. Выступая перед партийным активом, П.К. Пономаренко говорил: «На освобожденных территориях расширили свою деятельность церковники. Священники пытаются восстановить в народе религиозные признаки. Имеются попытки расширить свое влияние. В ряде школ священники пошли проводить работу. В одной школе даже повесили икону. Товарищи, отправление всяких культов и нашу веротерпимость нельзя смешивать. Пусть они существуют, попы, но ведь мы должны заботиться, чтобы не поп стал фигурой, от которой будут зависеть поставки или весенний сев» [71, л. 239-240]. И вся политика Советской власти на освобожденных территориях была направлена на уменьшение влияния православия на население.

После освобождения Белоруссии отношения между православной церковью и представителями Советской власти сводились, в основном, к регистрации церквей и духовенства. Этот процесс шел очень медленно. Во-первых, потому, что уполномоченные по делам религиозных культов до 1945 года не имели достаточных материальных возможностей для проведения регистрации церквей, а во-вторых, из-за нежелания отдельных представителей православного клира проходить регистрацию. Поэтому по состоянию на 1945 год можно говорить не столько о числе действующих православных храмов, сколько о количестве церквей, соборов и часовен, прошедших регистрацию [П. 3]. Регистрация проводилась для начисления налога, размер которого напрямую зависел как от земельного участка при церкви, так и от числа прихожан. Иногда налог составлял 12 000 рублей при годовом доходе священника 19 000 рублей [32, л. 14]. Поэтому около ста семидесяти церквей не были зарегистрированы в первой половине 1945 года.

Архиепископ Василий получил разрешение Советской власти на создание пастырско-богословских курсов. Открытие их состоя-

лось в 1945 году, т.е. ровно через 100 лет после перевода Литовской семинарии из Жировицкого монастыря в город Вильно. В монастыре вновь возродилась духовная школа.

Это было связано с тем, что после освобождения Белоруссии вновь сложилась тяжелая обстановка с кадрами. К июню 1945 года по всей республике был один архиепископ Василий, 556 священников, 97 дьяконов, 378 псаломщиков. Самыми благополучными в этом отношении можно считать Барановичскую и Брестскую области. В каждой из них было более 100 священников, зато в Витебской области – 11, Полесской – 7, Бобруйской – 18, Минской – 36, Гомельской – 21 [96], [П. 4]. Около 480 мест священнослужителей, включая низшее и среднее духовенство, в Белоруссии оставались вакантными. Часть представителей православного клира либо покинули свои приходы, боясь репрессий, либо вовсе прекратили свою деятельность.

Удалось решить лишь проблему открытия церквей, количество которых увеличилось с 806 до 1 044. Однако храмы распределялись по территории Белоруссии неравномерно. Больше их было в западных и центральных областях. Самое большое количество зарегистрированных на июнь 1945 года храмов было в Брестской области – 148, в Барановичской – 98, Пинской – 81. Зато в Полесской области насчитывалось 23 храма, Минской – 42, Молодечненской – 44. Наиболее неблагополучной областью в этом отношении была Полесская. Правда, следует заметить, что не всегда регистрация церквей задерживалась по причине нежелания духовенства или закрытия храма. Дело в том, что к июню 1945 года так и не был сформирован институт уполномоченных по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. Если в городе Минске наладить его работу удалось, то в освобожденных областях Белоруссии уполномоченные сталкивались, как было сказано выше, с материальными трудностями при организации своей работы.

Не удалась и попытка автокефалии православной церкви. Идея создания самостоятельной национальной православной церкви не только существовала, но и активно разрабатывалась как Генеральным Комиссариатом Белоруссии, так и приверженцами автокефалии среди высшего духовенства. Если принимать во внимание, что Московская Патриархия пошла на сотрудничество с Советской властью и официально заявила, что Русская Православная Церковь в СССР не подвергалась гонениям после революции 1917 года, то понятно стремление отдельных представителей православного

клира Белоруссии порвать все отношения с Москвой. Но в условиях оккупации идея создания национальной церкви не стала объединяющей силой. Сотрудничество с оккупационным режимом и белорусскими коллаборантами ради реализации благородной цели не нашло поддержки ни рядового духовенства, ни прихожан.

Не была решена и кадровая проблема. Бежавшие в июле 1944 года иерархи православной церкви и часть духовенства поставили Белоруссию в довоенное положение. Поэтому можно сделать вывод о том, что церковное строительство в Белоруссии в военный период было успешным лишь частично, основных проблем решить не удалось.

1.2. **Вмешательство оккупационной власти и белорусских коллаборантов в церковные дела**

Начало оккупации Белоруссии стало отправной точкой для осуществления нацистами своеобразной церковной политики. Отношение Адольфа Гитлера к христианству известно. По его словам, «сильнейшим ударом, когда-либо постигавшим человечество, было появление христианства. Большевизм является незаконным ребенком христианства. Оба изобретены евреями» [23, с. 92]. Но Гитлер хорошо понимал, что христианство «не может быть сломлено так просто. Оно должно разложиться и отмереть подобно гангренообразному отростку» [23, с. 92].

Неоспоримым, по мнению автора монографии, является и то, что Адольф Гитлер не стремился к спасению белорусского народа и Русской Православной Церкви. Учитывая объединяющую роль православной церкви в различные исторические периоды, особенно в военное время, 11 апреля 1942 года Гитлер сказал: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, которая бы почитала бога по-своему. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких русских просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой форме разъединения и раскола» [23, с. 92].

Эту точку зрения стал активно развивать и конкретизировать Альфред Розенберг, назначенный фюрером министром оккупированных территорий СССР. Назначение А. Розенберга состоялось через четыре недели после начала войны. Он получал в свою ад-

министрацию земли только после того, как немецкая армия передвигалась на занятые территории. Командование немецкой армии по своей инициативе даровало населению свободу богослужений [23, с. 92]. А когда А. Розенберг уже окончательно 1 сентября 1941 года получил в свою администрацию оккупированные земли, то было решено не провозглашать свободу религии торжественным образом, но сделать это как можно спокойнее [23, с. 92]. Такое решение было принято после длительных консультаций ведомства А. Розенберга с Борманом, завершившихся переговорами 8 мая 1942 года между А. Розенбергом, А. Гитлером и М. Борманом. На них была определена официальная политика оккупационных властей по отношению к Русской Православной Церкви на оккупированной территории. Это было связано с тем, что на оккупированных землях стихийно стали открываться церкви, возобновляться службы, и этот процесс необходимо было ввести в приемлемые национал-социалистические рамки. На переговорах было принято решение, что А. Розенберг никакого указа издавать не будет, а перепоручит решение вопроса о церковной политике рейхскомиссарам Остланда и Украины, которые от своего имени проведут мероприятия по установлению веротерпимости в своих комиссариатах. Но А. Гитлер подчеркнул, что это связано лишь с военным временем и что «после войны он предпримет соответствующие меры против Церкви. Он верит, что своим авторитетом сможет сделать то, что другим позже трудно будет осуществить» [23, с. 92].

Но в это же время А. Розенберг предлагал рейхскомиссариатам принять необходимые меры для ограничения вновь создаваемых религиозных организаций. 13 мая 1942 года он обратился к рейхскомиссариатам Остланда и Украины с письмом, в котором следующим образом регламентировалась церковная деятельность и определялась церковная политика на оккупированных землях.

1. Религиозным группам категорически запрещается заниматься политикой.

2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам территориальным и национальным. При этом национальный признак должен особенно строго соблюдаться при подборе глав религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны выходить за границы Генералбецирка, то есть за границы одной епархии.

3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей.

4. Особая предосторожность рекомендуется в отношении Русской Православной Церкви как носительницы враждебной Германии русской идеологии [23, с. 96].

Подобные письма были продублированы указами рейхскомиссаров Остланда и Украины.

Начало оккупации Белоруссии явилось отправной точкой для создания Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви. Оккупационные нацистские власти взяли под строгий контроль деятельность православной церкви в Белоруссии уже в 1941 году. В Берлине в центральном аппарате гестапо был образован церковный отдел, который регулировал все вопросы церковной политики. В оккупированной Белоруссии при Генеральном Комиссариате Белоруссии существовал отдел политики, во главе которого стоял Леопольд Юрда. И все вопросы налаживания церковной жизни требовали утверждения в указанном выше отделе.

Уже 3 октября 1941 года при посредничестве Радослава Островского епископ Венедикт получил из Генерального Комиссариата на имя митрополита Пантелеймона Рожновского письмо, в котором давались указания о создании автокефальной церкви и определялись условия деятельности православной церкви в условиях оккупационного режима. Любая ориентация на Московского Патриарха расценивалась как предательство на пути построения «нового порядка в Европе».

22 мая 1942 года министр пропаганды III рейха Г. Геббельс писал: «Нам бы удалось значительно уменьшить опасность со стороны партизан, если бы мы сумели завоевать в какой-то мере доверие народа. В этом отношении могла бы совершить чудеса ясная политика по отношению к крестьянам и церкви. Может быть, было бы полезно организовать в разных районах марионеточные правительства, чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия» [5].

А 30 мая 1942 года Государственный министр Восточных земель Альфред Розенберг на заседании в Генеральном Комиссариате Белоруссии в городе Минске категорично заявил: «Навсегда должны остановиться всякие явления русификации этой части Европы. Русский язык для белорусов чужой» [8]. Это явилось фактическим разъяснением православному духовенству Белоруссии сущности церковной политики со стороны оккупационных властей.

В первые дни оккупации республики всем священнослужителям было приказано составить «клировые ведомости» – предоставить данные о состоянии храма, клира и прихода, заполнить лич-

ные анкеты священников и псаломщиков. После этого документы отправлялись на рассмотрение в районные управы, где их проверяли и давали разрешения на богослужения. Такие ведомости составлялись в 1941, 1942, 1943 и 1944 годах [4]. Кроме того, в 1943 году на каждого православного священника гестапо составляло анкету, для заполнения которой священники приходили в консистории [4]. По мере продвижения по Восточной Белоруссии архимандрит Серафим Шахмуть составлял подробные отчеты для СД о количестве открываемых храмов, о том, что люди «радуются, что открываются храмы», о земельных наделах церквей [3].

Таким образом, весь православный клир, который служил в церквях и имел приходы, был зарегистрирован у оккупационных властей.

Достаточно регулярно амсткомиссары специальными повестками вызывали священников на совещания, на которых они ставили в известность священнослужителей о последних распоряжениях немецких властей и обязывали священников зачитывать в церквях эти распоряжения и указы. Так, в 1942 году на весенне-летних совещаниях православным священникам были розданы указы об угоне молодежи на работы в Германию [4]. Аналогичный указ зачитывался в церквях и в апреле 1943 года, согласно ему молодежь мобилизовывалась в Германию, причем подчеркивалось, что если кто-нибудь не явится на регистрацию, то их семьи будут угнаны, а хозяйство ликвидировано [4].

Православное духовенство не имело права свободного передвижения по территории Белоруссии. Для любой поездки необходим был пропуск, который выдавался оккупационными органами власти после подробного объяснения цели поездки. Это не позволяло священнослужителям в полной мере осуществлять свою церковную деятельность.

Необходимо было разрешение оккупационных властей на строительство или восстановление храма, для чего прихожане обращались, как правило, с прошением к архиепископу Филофею, а он – в Генеральный Комиссариат Белоруссии, где окончательно решался этот вопрос.

Генеральный Комиссариат Белоруссии, его отдел политики под руководством Л. Юрды и Генералкомиссар Белоруссии В. Кубэ действовали в рамках указа от 13 мая 1942 года об определении церковной политики на оккупированных землях. На утверждение в Генеральный Комиссариат Белоруссии требовались все церковные документы, определяющие церковную политику – от бронирова-

ния железнодорожных билетов для епископа Афанасия Мартоса из города Минска в город Слоним [74, л. 15], выделения машины для митрополичьей управы [79, л. 35] и лошади для строительных работ и погребений в железнодорожной церкви города Минска [73, л. 16] до Статута Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви.

При необходимости епископ Филофей и его окружение посещали Генеральный Комиссариат Белоруссии. Так, 5 февраля 1942 года там состоялась встреча-совещание Л. Юрды, оберштурмфюреров фон Коймерна и Шульца с епископом Филофеем, архимандритом Афанасием и двумя членами Белорусского Комитета в городе Варшаве С. Менгелем и Б. Стрельчиком, которые прибыли из Варшавы на эту встречу как доверенные лица Белорусского Комитета [81, л. 9, 16]. По предложению Юрды были обсуждены следующие вопросы.

1. Соблюдение идеи создания Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви.

2. Необходимость решительно препятствовать всякому вмешательству со стороны Москвы, Варшавы и Берлина.

3. Назначать священников только белорусской национальности, отдавать предпочтение тем, кто говорит по-белорусски.

4. Всякое письменное обращение должно вестись на белорусском языке, церковная служба – на старославянском [78, л. 9].

В ответ на это архиепископ Филофей представил рабочий план, по которому необходимо было воссоздать митрополичью управу в городе Минске и открыть церковные курсы [78, л. 9].

Позже архиепископ Филофей неоднократно посещал Генеральный Комиссариат Белоруссии, особенно во время подготовки Всебелорусского церковного собора по объявлению автокефалии православной церкви. Архиепископ Филофей 5 июля 1942 года представил в Генеральный Комиссариат Белоруссии для утверждения «Основы автокефалии» и просил вернуть в город Минск для работы в соборе епископов митрополита Пантелеймона [80, л. 33]. Директор канцелярии Генерального Комиссариата Белоруссии 14 июля 1942 года получил «Основы автокефалии», где содержалось, наряду с каноническим обоснованием автокефалии, и положение о том, что Константинопольский собор 1872 года запретил объявление автокефалии по причине исключительно национального шовинизма. Но это не произвело впечатления на Л. Юрду.

Несколько иначе вели себя представители белорусской коллаборации. С первыми воинскими немецкими частями в Белорус-

сию прибыли из эмиграции белорусские национальные работники, которые вместе с уцелевшим на местах белорусским национальным активом заняли административные должности руководителей округов, поветов, начальников полиции. Необходимо отметить, что значительную роль в этом играл Белорусский Комитет в городе Варшаве, который посылал своих эмиссаров для работы в Белоруссии. 9 сентября 1941 года в Варшаве была создана Белорусская Церковная Рада под старшинством Варшавского митрополита Дениса. В ее состав вошли архимандрит Филофей, доктор Иван Ермоченко, доктор Витушко, доктор Красовский и Борис Стрельчик. От имени Рады после ее первого заседания в Берлин был послан меморандум о желании видеть белорусскими епископами архимандрита Феофана (Протасевича), архимандритов Филофея Нарко и Афанасия Мартоса. Уже 18 сентября из Берлина пришел ответ от Ивана Ермоченко, что немецкая сторона «стаіць зусім на нашым баку і абяцае беларускай царкве найбольшае падтрыманне. Немцы не толькі дазволяць нам высвяціць трох епіскапаў, але будуць нас усебакова падтрымліваць у нашых дамаганнях беларускай незалежнай царквы» [81, л. 15].

Среди эмиссаров Белорусского Комитета был и архимандрит Афанасий Мартос, который как «сябра Камітэта быў загатаваны на Беларусь (Ostland) для атрымання там епіскапскай хіратоніі» [81, л. 15].

По свидетельству Ивана Косяка, Радослав Островский очень внимательно следил и постоянно интересовался организацией церковной жизни в Белоруссии [58, с. 84]. Встречаясь с епископом Венедиктом, который прибыл в Минск для организации церковной жизни, Радослав Островский требовал, чтобы строительство православной церкви велось в чисто национальном духе.

Тем временем началась подготовка к проведению Всебелорусского церковного собора. В ней активно участвовали как белорусские коллаборанты, так и Генеральный Комиссариат в лице Л. Юрды. Как указывалось выше, по его приказу от руководства православной церковью в Белоруссии был отстранен митрополит Пантелеймон Рожновский.

Однако без митрополита Пантелеймона созыв Всебелорусского церковного собора был невозможен. 14 июля 1942 года к Генеральному Комиссару Белоруссии Вильгельму Кубэ обратились архиепископ Филофей, епископы Афанасий и Степан с просьбой о возвращении митрополита Пантелеймона с отдыха в город Минск и вступлении его в руководство православной церковью в Белорус-

сии [74, л. 11]. Ответ из Генерального Комиссариата не пришел. Тогда 16 июля 1942 года те же люди вновь посылают прошение на имя Вильгельма Кубэ с просьбой разрешить митрополиту Пантелеймону хотя бы временно жить в городе Минске в митрополичьем доме или в Жировицком монастыре, мотивируя это тем, что без митрополита Пантелеймона епископы не имеют права вынести ни одного канонического соборного постановления и собирать собор [74, л. 9]. Государственный чиновник по прямому указанию заведующего вторым отделом Генерального Комиссариата Белоруссии Л. Юрды вел переговоры с митрополичьей курией по этому вопросу. Было принято решение, что 25 июля 1942 года председатель митрополичьей курии поедет к митрополиту Пантелеймону, чтобы получить письменное разрешение на созыв собора. В своем отчете чиновник указал, что, по его мнению, митрополита Пантелеймона Рожновского следует перевести в Жировицы, так как его положение в Лядах может быть расценено «нашими врагами как положение мученика, которого заточили немецкие власти. Он уже старый и не может сделать церкви никакого вреда, но если он будет в Жировицах, то он станет объектом агитации в руках наших врагов» [74, л. 10].

Белорусским епископам Л. Юрда ответил в письме от 25 июля 1942 года и довольно четко определил позицию Генерального Комиссариата: «Я считаю, что личное присутствие митрополита Пантелеймона в Минске для провозглашения автокефалии не нужно, считаю, что Синод в его сегодняшнем составе достаточно юридически компетентным принять нужное решение» [74, л. 7]. Далее Л. Юрда предложил заменить присутствие митрополита Пантелеймона его письменным согласием, приложив его к актам Синода, и подчеркнул, что автокефалия будет проводиться в разрешенных государством рамках [74, л. 7].

Но даже тогда, когда письменное согласие митрополита Пантелеймона было получено, епископы вновь обратились 29 июля 1942 года к Генеральному Комиссару В. Кубэ с просьбой о переводе митрополита Пантелеймона в Жировицкий монастырь, мотивируя это плохим состоянием здоровья митрополита и его тяжелым материальным положением [81, л. 29]. Ответ Л. Юрды был лаконичным: «Пантелеймон остается в Лядах! Собор проходит без него!» [74, л. 10].

Остается неясной позиция самого митрополита Пантелеймона Рожновского. С одной стороны, как указывалось выше, он отстраняется от дел, поручает руководство митрополией архиепископу Филофею Нарко, объявляет себя приверженцем каноническо-

го, а не политического признания автокефалии. И это вполне объяснимо. Еще в 1939 году Пантелеймон Рожновский был награжден за верность Московскому Патриарху бриллиантовым крестом и саном митрополита. Естественно, что он не мог открыто поддерживать строительство самостоятельной православной церкви в Белоруссии, и гестапо выслало его в местечко Ляды Минской области. И в то же время митрополит Пантелеймон участвует в работе собора, пишет послания к верующим, призывая их к сотрудничеству с оккупационным режимом [22].

Одновременно с решением вопроса о приезде митрополита Пантелеймона в город Минск началась работа предсоборной комиссии. 5 августа 1942 года архиепископ Филофей посылает письмо господину доктору И. Ермоченко как руководителю БНС, в котором просит его принять участие в работе предсоборной комиссии, а если он по своей занятости не сможет, то пусть назначит своего заместителя.

5 августа 1942 года архиепископ Филофей в своем послании на имя Генерального Комиссара подробно освещает работу собора епископов 29 июля 1942 года о начале выборов делегатов и о составе предсоборной комиссии [84, л. 33].

18 августа 1942 года Л. Юрда вновь посылает в митрополичью курию приказ, в котором настаивает на своих требованиях к делегатам собора, указывает на то, что в предсоборной комиссии нет юриста, так как П. Свирид уехал из Минска. «Статут православной церкви не может получить мое одобрение. Он в целом нежелателен государству в его основе. Предсоборная комиссия должна выработать новый Устав и показать мне немедленно, так как без одобрения Устава собор невозможен», – прямо указывает Л. Юрда [84, л. 32].

19 августа 1942 года Л. Юрда высказал свое мнение и по рабочему плану собора. Напомнив еще раз о нежелании Генерального Комиссариата видеть на заседаниях митрополита Пантелеймона, он твердо заявил, что на самом соборе «выбор комиссий для выработки Устава и редактирования писем к Патриархам не нужен. Устав и проекты писем должна выработать предсоборная комиссия и представить ему на утверждение, а на соборе принять путем голосования. Достаточно способному ведущему удастся сделать обсуждение Устава и писем к церквям как можно короче, а можно пропускать эти обсуждения вовсе» [80, л. 100].

21 августа 1942 года архиепископ Филофей довел до сведения Генерального Комиссара Белоруссии В. Кубэ, что на заседание

предсоборной комиссии 12 августа 1942 года К. Николаевич и И. Косяк не прибыли и не участвовали в разработке проекта о созыве собора, который был опубликован в «Беларускай газэце» [81, л. 37]. Поскольку Генеральный Комиссариат настаивал, чтобы возраст делегатов был не меньше 21 года, архиепископ Филофей просил согласиться с 30-летним возрастным цензом, мотивируя это тем, что церковная практика показывает, что возраст участников собора значительно превысит 30 лет. В связи с этим архиепископ Филофей просил не переносить выборы, провести собор в назначенный срок [81, л. 37].

29 августа 1942 года на имя Генерального Комиссара В. Кубэ и Л. Юрды архиепископ Филофей прислал приглашения для участия в работе Всебелорусского церковного собора, который прошел в городе Минске с 30 августа по 1 сентября 1942 года [79, л. 8]. В связи с тем, что в это же время в город Минск приехал заместитель рейхсминистра оккупированных восточных земель, ни Генеральный Комиссар В. Кубэ, ни Л. Юрда не смогли участвовать лично в работе собора, за что они извинились 2 сентября 1942 года в письме, направленном в митрополичью курию. В нем, кроме извинений, содержалось и напоминание о том, чтобы протоколы результатов проведения собора были представлены в Генеральный Комиссариат Белоруссии [79, л. 8]. Вильгельм Кубэ на имя делегатов прислал телеграмму с пожеланиями плодотворной работы и приставил к участникам собора охрану.

В Генеральный Комиссариат Белоруссии архиепископ Филофей, епископы Афанасий, Стефан, архимандрит Серафим, протоиерей Горбацевич и доктор Валькевич направили рейхсминистру оккупированных восточных земель для отправки через рейхскомиссара города Риги послание Адольфу Гитлеру.

Окончание собора явилось предметом обсуждения на заседании Центральной Рады БНС 2 сентября 1942 года, на котором присутствовал архиепископ Филофей. Отчет о проведении Всебелорусского церковного собора стоял на повестке дня вторым вопросом. О работе отчитывался архиепископ Филофей. Он подчеркнул, что церковный вопрос занимает важное место в национальной жизни белорусского народа, кратко проинформировал о работе собора, особо подчеркнув ту «ахвярную працу прадсаборнай камісіі, якая шмат працавала для арганізацыі сабору» [72, л. 12]. В свою очередь, участники заседания одобрили проведение идеи автокефалии в жизнь и высказали пожелание, чтобы церковные власти в дальнейшем поторопились провести среди православного духовен-

ства, «якое яшчэ часамі не зусім звязана з беларускімі ідэямі, узгадаванне ў беларускім духу» [72, л. 13]. Чтобы ускорить этот процесс, было решено открыть в городе Минске духовную семинарию. В заключение обсуждения рассматриваемого вопроса доктор Иван Ермоченко поблагодарил архиепископа Филофея от имени Рады БНС за автокефалию, подчеркнув, что этот процесс имеет важное историческое значение для современного и будущего поколений белорусского народа [72, л. 13].

Митрополичья управа посылала в Генеральный Комиссариат все свои отчеты о проведении не только соборов епископов, но и собраний епархий. Уже сразу после Всебелорусского церковного собора 2 сентября 1942 года архиепископ Филофей просил Генеральный Комиссариат Белоруссии разрешить проведение собрания Минской епархии, приводя в своем прошении подробную повестку дня [79, л. 12].

Письма к главам автокефальных церквей находились во втором отделе политики Генерального Комиссариата на хранении, и в течение 1942 – 1944 годов Л. Юрда стремился собрать недостающие подписи епископа Смоленского Степана и епископа Гродненского Венедикта. Для этого им неоднократно посылались распоряжения и циркуляры в митрополичью управу [82, л. 12].

3 ноября 1942 года на имя архиепископа Филофея из второго отдела политики Генерального Комиссариата пришло письмо с требованием оплаты счетов. Дело в том, что 25 октября 1941 года на основании прошения епископа Венедикта Бобковского на финансирование ремонта церквей города Минска городским комиссариатом была выделена освобожденная от налогов ссуда в размере 2 000 RM. Ее следовало погасить до 1 июня 1942 года. Если к назначенному сроку ссуда погашена не была, то с 1 июня 1942 года городской комиссариат начислил 10 % за каждый день неуплаты, и к 3 октября 1942 года сумма ссуды составляла уже 4 500 RM. Именно ее Генеральный Комиссариат Белоруссии обязал православную церковь внести через городскую кассу на счет № 13 при рейхскредиткассе [83, л. 13].

Согласно указу второго отдела Генерального Комиссариата Белоруссии от 18 апреля 1942 года, начался сбор цветных металлов у православных церквей. Однако немецкие власти столкнулись с тем, что священники провинций отказывались сдавать цветные металлы и вообще что-либо без соответствующего указа митрополичьей управы. Особо в этом противостоянии выделялся округ Глубокое Вилейской области. На требования гебитскомиссара сдать

металлы православный клир округа ответил, что без письменного указа митрополита Пантелеймона никаких сборов проводиться не будет. Будучи не в силах самостоятельно решить этот вопрос, гебитскомиссар округа Глубокое обратился во второй отдел политики Генерального Комиссариата Белоруссии с просьбой поскорей издать соответствующий указ из митрополичьей управы, чтобы избежать всяких политических трудностей [74, л. 5]. Л. Юрда в свою очередь указал архиепископу Филофею, что руководству православной церкви необходимо поддержать сбор металла [74, л. 4]. Такая поддержка была получена. И уже 24 июля 1942 года сбор металла в округе Глубокое был завершен, церквям оставили колокола весом меньше 15 килограммов, всего собрали 7 920 килограммов меди, 34 875 килограммов различных сплавов, 520 килограммов свинца, 259 килограммов цинка, 387,40 килограммов монет, 12 356,80 килограммов колоколов, 830,45 килограммов прочего металла [74, л. 3]. Священника же Василия Викаревича из города Луцка, отказавшегося снять колокола со своей церкви, передали второму отделу политики Генерального Комиссариата для «государственного наказания» [74, л. 2].

Убийство Вильгельма Кубэ положило начало изменению политики Генерального Комиссариата Белоруссии по отношению к православной церкви. Фон Готберг проявлял меньше интереса к церковным делам, чем его предшественник. Вся работа Генерального Комиссариата Белоруссии в 1944 году велась в направлении подписания писем к Патриархам и осуждения избрания Московского Патриарха. Но если избрание Сергия Московским Патриархом собор белорусских епископов осудил, письма к Патриархам подписал, но резко выступил против вмешательства государства в церковные дела. Письма к Патриархам были подписаны в трех экземплярах, переведены на немецкий язык и переданы в Генеральный Комиссариат для пересылки. Один экземпляр посылался главам автокефальных церквей, остальные оставались в Генеральном Комиссариате на хранении [85, л. 9].

28 марта 1944 года представители Генерального Комиссариата явились в дом епископа Филофея для беседы, в ходе которой была достигнута договоренность о принятии в Белорусскую митрополию епископа Брестского Ивана и о выделении охраны для архиепископа Филофея [85, л. 9].

В 1944 году немецкие власти разрешили вернуть митрополита Пантелеймона Рожновского в Минск. Рожновский 11 – 19 мая 1944 года созвал собор епископов для внесения изменений в Статут Святой Православной Белорусской Автокефальной Церкви.

Ограничили оккупационные власти и время проведения богослужений. В будние дни богослужения запрещались, а в воскресные дни должны были заканчиваться не позднее 8 часов утра [4]. Затем это распоряжение было смягчено. Были разрешены церковные службы в будни, однако их продолжительность была ограничена двумя часами.

Все попытки добиться еще большего смягчения режима проведения богослужений оккупационными властями отвергались всякий раз со ссылкой на военное время. Кроме того, по распоряжению немецких властей празднование православных праздников, выпадавших на будние дни, было перенесено на воскресенье. Попытка же решить этот вопрос в центральном аппарате гестапо в Берлине закончилась неудачей. Так нацистские оккупационные власти контролировали низшее духовенство. Их методы вмешательства в дела иерархов православной церкви в Белоруссии практически не различались.

Необходимо отметить, что часть духовенства открыто поддерживала оккупационный режим. Псаломщик церкви в деревне Дмитровичи Каменецкого района Брестской области А. Евтухович стал заместителем немецкого комиссара, систематически занимался подбором и отправкой советских людей на принудительные работы в Германию. В конце 1941 года он лично составил список лиц для отправки. Прощаясь с уезжающими, А.Евтухович говорил: «Я, комиссар и организатор немецкой власти в селе Дмитровичи, приказываю всем включенным мною в список срочно выехать в Германию, а кто не поедет, тот будет расстрелян, хозяйство сожжено, а семья либо сослана, либо расстреляна» [68, л. 20-21]. Благочинный Антопольского собора деревни Антополь Брестской области протоиерей А. Мацкевич рассказывал карателям о месторасположении партизан. За это партизаны сожгли его дом и церковь. Священник Пружанского собора той же области В. Пипинкевич в 1943 году во главе брестской церковной делегации посетил Берлин и участвовал в мероприятиях в честь пятидесятилетия Геринга. Возвратившись домой, он в публичных выступлениях призывал прихожан бороться с партизанами [69, л. 18].

Ряд православных священнослужителей принял оккупацию Белоруссии нацистами как избавление от большевизма, и они это подчеркивали в своих проповедях. Священник Волковысской церкви Белостокской области Виталий Железнякович призывал своих прихожан «не держать обиды на немцев, что немцы – народ культурный, который избавил православных от гонений со стороны советской власти» [4].

Говоря о коллаборации среди православного духовенства на оккупированной территории Белоруссии, необходимо учитывать, что среди коллаборантов были:

1) служители культа, бывшие в оппозиции к большевистской власти и делавшие ставку на гитлеровскую Германию, при поддержке которой стремились создать в Белоруссии автокефальную православную церковь. Это духовенство до Великой Отечественной войны жило либо в эмиграции, либо в Западной Белоруссии. К данной группе можно отнести архиепископов Филофея Нарко и Венедикта Бобковского, протоиерея Ивана Кушнера, Константина Лапицкого и других;

2) те, кто жил на территории Белоруссии, поверил немцам и сознательно пошел на службу к оккупантам;

3) люди, которые случайно оказались среди коллаборантов. К этой группе можно отнести некоторых приходских священников, которые зачитывали приказы оккупационной власти и посещали собрания духовенства в комендатурах.

Вторая часть православного клира признавала Московский Патриархат и не приняла автокефалию. В эту группу входили, в основном, приходские священники, которым приходилось оберегать своих прихожан от тягот войны. Если их взгляды не становились известны в центральном нацистском карательном аппарате или церковным властям, то они не подвергались репрессиям. Спасало их от репрессий и то, что на выезд из прихода требовался пропуск, а это значит, что духовенство не могло свободно передвигаться и, естественно, делиться своими взглядами.

Примером осуждения приверженности Московскому Патриарху может служить история священника Юлиана Миллера, бывшего настоятелем Владимирской церкви города Гродно. Отец Юлиан Миллер в ходе служб поминал Московского Патриарха и не очень-то жаловал архиепископа Венедикта Бобковского. Юлиан Федорович Миллер родился в 1891 году в городе Житомире в семье кадрового военного. Происходил из старинного немецкого рода фон Миллеров. В городе Житомире Юлиан Миллер учился в учительской семинарии. В 1913 году царское правительство ссылает его за сочувствие народному движению в Красноярскую губернию. Жил он в Канском уезде в селе Большое Уренское. В 1915 году Юлиан Миллер ушел санитаром-добровольцем в 408 кузнецкий полк армии генерала Брусилова, был награжден георгиевскими крестами четырех степеней. В 1920 году уже польское правительство ссылает его в концентрационный лагерь на два года за

сочувствие советской власти [4]. Священником он стал в 1939 году. С начала 1940 года до приезда в 1941 году в город Гродно Венедикта Бобковского он был благочинным гродненского округа. Летом 1943 года над Юлианом Миллером состоялся церковный суд, ему в вину вменялись религиозный шантаж и работа с органами НКВД в 1939 – 1941 годах. По решению суда священник Юлиан Миллер был выслан из города Гродно в сельский приход, причем в тот, где нацистами был убит за связь с партизанами местный священник Виталий Боровский. Он лишался прав ношения палицы и представления к награде в течение десяти лет [4].

И, наконец, в третью группу православного духовенства вошли священники, занявшие выжидательную позицию, открыто не объявившие о своей приверженности ни к тем, ни к другим.

Отношение к иерархам православной церкви, за исключением митрополита Пантелеймона Рожновского, со стороны оккупационной власти было лояльным, так как иерархи не давали повода усомниться в их приверженности к идеям автокефалии и построения «нового порядка» в Европе.

В 1941 – 1944 годах по распоряжению высшей церковной власти в день рождения Гитлера во всех церквях Белоруссии совершались благодарственные молебны, в ходе которых молились «за здравие Гитлера» и провозглашались ему «многие лета». В молебнах принимали участие епископы автокефальной православной церкви, а представителям немецких властей отводились места у царских ворот [П. 5, 6, 7]. Многолетия немецкой власти и армии произносились и на службах в дни религиозных праздников, в новогодних молебнах.

Благодарственные молебны проходили во всех областных центрах, как правило, 22 июня каждого года оккупации, когда нацисты праздновали очередную годовщину вторжения на территорию Советского Союза. Выступавшие произносили благодарственные речи в адрес нацистской Германии и оккупационного режима.

Представители немецких властей присутствовали и на открытии церквей, где им не раз выражали свое расположение отдельные православные священники. Это духовенство боялось политики Советского государства по отношению к религии и церкви. Если западные области Белоруссии испытали реализацию этой политики лишь в 1939 – 1941 годах, то восточные области были знакомы с такой политикой во всех ее проявлениях значительно раньше, в связи с чем эта часть «восточного» духовенства очень боялась восстановления атеистического государства и все надежды воз-

лагала на немецкую армию, частично и на белорусских коллаборантов, которые должны были помочь автокефальной белорусской церкви занять прочное положение в «новой независимой Белоруссии» под протекторатом Германии. Представители белорусской коллаборации понимали, что их идеи создания «независимого белорусского государства» могут быть услышаны и восприняты местным населением, если эти взгляды будет разделять духовенство, так как религиозность населения в годы войны возросла и священнослужители продолжали пользоваться авторитетом среди белорусского населения. Желая упрочить свое положение, коллаборанты втягивали православное духовенство Белоруссии в политику, прекрасно понимая, что это противоречит их духовному сану. Прежде всего, это делалось через печать. В белорусских оккупационных газетах «Беларуская газэта», «Новый путь», «Новая дорога» и других большое место отводилось освещению деятельности православной церкви. Авторы газетных публикаций постоянно напоминали жителям Белоруссии о зверствах большевиков, о закрытии храмов, подробно рассказывали об открытии храмов в годы оккупации.

Вовлекалось православное духовенство и в различные национальные организации, которые существовали в период оккупации.

В своей благотворительной деятельности православная церковь была тесно связана с БНС. Эта организация была создана немцами и объединялась немецкими гебитскомиссарами. Первоначально центр БНС находился в городе Барановичи, затем был перенесен в город Минск. Организация была создана в конце 1941 года, а в июле 1943 года переименована в Беларускую Самапомач (БСП). Руководящий центр БНС - БСП находился при Генеральном Комиссариате Белоруссии, а после организации Белорусской Центральной Рады БНС - БСП стала одним из ее отделов. До создания БЦР БНС существовала в городе Минске, там был создан центральный аппарат БНС, которому подчинялись окружные отделы, окружным – районные. Руководящий состав назначался сверху из числа активных белорусских националистов. Задачей БНС было при помощи благотворительной филантропической деятельности сплачивать вокруг себя белорусское население и воспитывать его в национальном белорусском духе, направляя деятельность людей на помощь немецким властям в их борьбе против Советского Союза. Излюбленным лозунгом являлся лозунг создания «независимого белорусского государства», пропагандировалось, что эту возможность могут предоставить лишь немецкие власти.

Материальные и денежные средства БНС собирались через районные отделы и распределялись согласно Уставу БНС: 60 % оставалось в районе, 15 % – в окружных отделах БНС и 25 % направлялись в центральный аппарат [4]. Членами БНС могли быть только белорусы. Для вступления в ряды организации требовалось написать заявление, но было издано положение, обязывавшее всех служащих административных, хозяйственных и торговых организаций, учителей, медиков в обязательном порядке принадлежать к БНС. Членские взносы составляли 2 % от заработной платы [4]. Приветствовалось и вступление в БНС священнослужителей–белорусов. Мотивировалось это тем, что истинные пастыри не должны отрываться от своей паствы.

Отношения БНС с православной церковью в Белоруссии были отрегулированы на официальном уровне. В письме Генерального Комиссариата Белоруссии на имя Беларускай Самапомачи от 7 декабря 1943 года еще раз подчеркивалось, что организованные добровольные комитеты при церквях могут рассматриваться только как филиалы Беларускай Самапомачи [88, л. 12]. В связи с этим на имя архиепископа Филофея от имени БСП было послано письмо с просьбой о предоставлении ежемесячных отчетов об оказании помощи населению со стороны православной церкви [88, л. 12]. Этому предшествовали переговоры представителей БСП с архиепископом Филофеем, в ходе которых архиепископ отказался предоставлять отчеты, что было расценено БНС как работа, запрещенная письмом Генерального Комиссариата Белоруссии [88, л. 13].

Православная церковь пыталась выйти из-под контроля БНС. Так, в конце 1943 года архиепископ Филофей обратился в Генеральный Комиссариат Белоруссии с предложением создать отдельный православный Благотворительный Комитет. Просьба была передана председателю БСП Ю.Соболевскому для решения данного вопроса совместно с архиепископом Филофеем. Деятельность комитета была разрешена, но он находился под строгим контролем не только Генерального Комиссариата, но и БСП.

Иначе сложилась судьба другого комитета, созданного 27 августа 1941 года в городе Гродно – «Гражданского комитета помощи жертвам войны». Он был создан с разрешения оккупационных властей. Его организатором и председателем стал настоятель польского костела ксендз Альберт Ярошевич, а настоятель православного собора Георгий Боришкевич стал председателем секции по раздаче одежды нуждающемуся населению. В состав комитета входило около пятнадцати человек. «Гражданский комитет

помощи жертвам войны» имел своей целью оказание материальной помощи беднейшему населению, пострадавшему от войны. Реальная помощь комитета выражалась в выдаче денежных пособий, белья и одежды. Помощь получали все без исключения нуждающиеся. Особое внимание «Гражданский комитет помощи жертвам войны» уделял семьям сосланных в Сибирь и политзаключенных. «Два года советской оккупации с разгулами арестов и выселения в Сибирь минули, как кошмар, доведя сотни людей и семей к материальному краху, оставляя на произвол судьбы муки детей. Война ухудшила это положение... Мы должны поспешить к ним с опекой и помощью. Все мы запишемся на особый список жертвователей, давая от себя деньги, одежду, обувь. К этому жертвовательному труду призываем вас», – говорилось в обращении комитета от 2 октября 1941 года [4].

2 октября 1941 года руководство комитета написало обращение к председателям предприятий, фабрик, мастерских, ко всем рабочим и служащим города Гродно, в котором вынесло предложение об уплате добровольного налога со всех работающих лиц в помощь пострадавшим в следующих размерах: для лиц, зарабатывающих в месяц 200 рублей – 1 %, 400 рублей – 2 %, 600 рублей – 3 %, 800 рублей – 4 %, 1 000 рублей – 5 % и более 1 000 рублей – 8 %. Комитет просил утвердить эти нормы [4]. В своем распоряжении комитет имел 16 000 рублей, полученных из магистрата. Магистрат отпускал белье и одежду, которые были изъяты с захваченных складов Красной Армии. Всего этого, однако, было недостаточно [4].

Поэтому 2 октября 1941 года комитет обратился и к гродненскому гебитскомиссару с прошением, в котором говорилось, что в списки уже внесено более 900 нуждающихся в помощи семей как местных, так и приехавших из восточных областей Белоруссии. Для сбора необходимых средств «Гражданский комитет помощи жертвам войны» просил, наряду со сбором вещей и денег по домам, учереждениям и торговым предприятиям, повысить сбор за электричество в размере 10 копеек за киловатт, за воду – 5 копеек с человека, за хлебные карточки – 5 копеек с человека. Кроме того, руководство комитета просило 100 кубометров дров для раздачи населению [4].

3 октября 1941 года «Гражданский комитет помощи жертвам войны» получил ответ от уездного комиссара: «На основании вашего заявления сообщаю, что я уполномочил бургомистра г. Гродно произвести одноразовый сбор денег, но это не значит, что я считаю дальнейшую помощь комитета необходимой... Для этого су-

ществует государственный строй, который должен устранять все недоразумения. Я прошу вас распустить комитет... В мероприятия, не входящие в чисто церковный круг, прошу не вмешиваться» [4]. Комитет был распущен. Немецкие власти не позволяли выходить за рамки «чисто церковных вопросов». И это касалось не только города Гродно, но и всей территории Белоруссии.

Ряд священнослужителей активно участвовал в деятельности БНС. Так, Троицкая церковь города Жлобина Гомельской области передала с января по июль 1943 года Комитету Народной Самапомачи 25 тысяч рублей для оказания помощи вдовам, сиротам и жертвам войны. Комитет поблагодарил церковный совет, настоятеля храма отца Гавриила и церковного старосту В.С. Фурсиевича [4].

Священник церкви городского поселка Смолевичи Смолевичского района Минской области Тимофей Мацкевич неоднократно вносил пожзертвования через поветовый отдел БНС в Смолевичах. С января по апрель 1944 года его взносы в пользу БНС составили 647,50 рейхсмарок [4]. Активно участвуя в работе БНС, отец Тимофей заслужил благодарность окружного отдела БНС [4].

Активно участвовали в работе БНС и отец Константин Александровский из деревни Новый Свержень Столбцовского района Барановичской области, и отец Вячеслав Лопатинский (приход неизвестен) [103].

Был членом БНС и священник Молодечненской церкви Вилейской области Никита Пыск, который закончил в 1934 году факультет богословия Варшавского университета. Членом БНС Никита Митрофанович Пыск стал в 1943 году и по заданию этой организации непосредственно занимался сбором средств для беженцев среди верующих-прихожан своего прихода. Было собрано 130 рублей [4]. После прихода немцев Никита Пыск заявил, что теперь будет работать только на пользу Белоруссии. Личность этого священника интересна и тем, что в своей деятельности он опирался на своих родственников – Косяка Ивана Ивановича – переводчика Минского Генерального Комиссариата и Косяка Константина Ивановича – начальника района в городе Вилейка. Никита Пыск, Иван и Константин Косяки и Николай Лапицкий с Иваном Кушнером выступили против митрополита Пантелеймона Рожновского, обвинив его в проведении «русской политики». Сторонник строительства «новой Белоруссии» отец Никита Пыск прибыл в город Молодечно в августе 1942 года. Если на богослужения отводилось два часа, отец Никита задерживал прихожан на пять-шесть часов, из которых три-четыре часа проповедовал. Это не устраивало при-

ход. Тогда четверо прихожан выехали в город Минск к архиепископу Филофею с просьбой убрать отца Никиту Пыска из прихода. Архиепископ Филофей удовлетворил прошение, написав письменное указание о переводе Никиты Пыска в другой приход. А когда последний отказался переехать, 11 января 1943 года прихожане насильно изгнали священника Никиту Пыска из церкви и прихода [4].

Участвовали представители православного клира и в съездах БНС. Было проведено два съезда: первый состоялся 1 – 2 ноября 1942 года, второй – осенью 1943 года. Съезды начинались с богослужений в Минской митрополичьей церкви. 26 апреля 1944 года состоялась присяга офицерского корпуса Белорусской Краевой Обороны. Прошла служба в митрополичьей церкви, которую служил архиепископ Филофей, не забывший в ходе проповеди подчеркнуть огромную роль автокефалии православной церкви в Белоруссии для возрождения белорусского народа [21, П. 7, 8].

Созданная в 1943 году БЦР стремилась контролировать деятельность православной церкви. Для этого на заседании 24 января 1944 года был создан среди прочих и отдел № 7 – вероисповеданий [87, л. 4]. Однако до 2 апреля 1944 года место начальника данного отдела оставалось вакантным. Только 2 апреля 1944 года начальником был назначен Николай Будилович [87, л. 7]. В декабре 1943 года отслужен торжественный молебен по поводу создания БЦР. А 25 марта 1944 года был проведен молебен, где архиепископ Филофей произнес речь, в которой от лица всех верующих белорусов приветствовал БЦР и «независимость» Белоруссии [3].

Представители православного клира становились членами различных националистических объединений. Вступали священнослужители и в «Белорусское объединение», и в «Белорусский народный комитет». Формально «Белорусское объединение» имело свой президиум и являлось одним из отделов Белорусского народного комитета, существовавшего в городе Варшаве. Руководство «Белорусским объединением» осуществлял начальник Белостокского гестапо доктор Циммерман. Председателем президиума «Белорусского объединения» был вначале профессиональный разведчик Константин Габинский, а затем Федор Ильяшевич, тесно связанные с гестапо. На местах были созданы восемь отделов, одним из которых в городе Свислочь Свислочского района Белостокской области руководил священник Александр Зноско [4]. Вся практическая деятельность этой организации носила ярко выраженный антисоветский характер и велась в направлении привития ненависти к Советскому Союзу и воспитания членов комитета в духе белорусского национализма.

В этих целях среди членов организации и белорусского населения распространялась антисоветская литература, воззвания, проводились собрания. Для привлечения в свои ряды населения комитет создал балетную группу, которая разъезжала по деревням и после выступления агитировала пополнить ряды комитета. Существенную роль в этом играла газета «Новая дорога», которая призывала население поддерживать оккупантов. Всего в эту организацию было вовлечено до 12 тысяч человек [4]. Среди них были и священники. Священник из Гродно Филипп Рубан стал членом «Белорусского комитета» в июле 1943 года, имел членский билет и платил членские взносы в размере двух марок в месяц [4]. Священник деревни Олекшицы Крынковского района Белостокской области Иоким Лещинский стал членом комитета в июле 1942 года, его принял Федор Ильяшевич в городе Белостоке и поручил ему организовать в своем приходе школу для белорусских детей. Это поручение священник не выполнил [4]. Иоким Лещинский стал осведомителем сотрудника гестапо Артура Гофмана, написав ему восемь донесений, в которых сообщал о националистической деятельности белорусского населения, о настроениях среди прихожан и межнациональных отношениях в приходе, о появлении партизан [4]. В октябре 1943 года в деревню Олекшицы прибыл представитель «Белорусского комитета». Было проведено собрание жителей близлежащих деревень. В своем выступлении прибывший призывал население оказывать помощь нацистам, вступать в «Белорусский комитет» и «бороться за самостоятельную Белоруссию». Позже выступил и отец Иоким. Показав прихожанам свой членский билет, он агитировал население вступать в комитет и не уклоняться от угона в Германию [4].

Активно участвовали в работе «Белорусского комитета» и священники Вишенка (приход неизвестен), Апполинарий Чиринович (приход неизвестен), Антоний Юшко (приход неизвестен), Юлиан Миллер (город Гродно) [4].

Привлекались священнослужители и к деятельности «Русского комитета», созданного летом 1942 года Анной Трусовой. Летом того же года вступил в комитет регент Гродненского кафедрального собора Федор Выборнов, членом которого он состоял до апреля 1944 года и платил членские взносы по 1 марке в месяц [4]. Вступили в «Русский комитет» и платили членские взносы священники женского монастыря города Гродно Никита Томчук, священник Поречской церкви Гродненского района Белостокской области Лавр Кляевский, священник рабочего поселка Лунно Скидельского района той же области Александр Калишевский [4].

«Русский комитет» стремился объединить русское население, проживающее в Белоруссии, с целью защиты их интересов перед немецкими властями, оказания благотворительной помощи, воспитания детей и молодежи в православном духе [4]. Священник Александр Калишевич собирал среди прихожан продукты, зерно, деньги и посылал их в дом старцев и в детский приют города Гродно, находящихся в ведении «Русского комитета» [4]. Кроме этого, духовенство Гродненского кафедрального собора собирало с прихожан денежные средства для дома старцев. От собора поступало 300 марок в месяц, от священника Юлиана Миллера – 150 марок ежемесячно [4].

Священник Федор Выборнов организовал в январе и июне 1944 года три концерта – два духовных и один светский, посвященный памяти А.С. Пушкина. Вырученные средства пошли в фонд «Русского комитета» [4].

Принадлежали священники и к «Украинскому национальному объединению» (УНО). Видным представителем духовенства в этом обществе был настоятель Гродненского кафедрального собора Георгий Боришкевич. Не выходя из «Белорусского комитета» и «Русского комитета», членом УНО стал в феврале 1943 года священник Юлиан Миллер [4].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что немецкие оккупационные власти ни в коей мере не имели намерения создавать благоприятные условия для развития православной церкви в Белоруссии. Политика оккупационных властей сводилась к практической реализации взглядов на церковную политику лидеров третьего рейха. Методы вмешательства в церковную жизнь были различны – от рассылки циркуляров до физического устранения неугодных, личного вмешательства в церковную политику. Прежде всего, это относится как к В. Кубэ и фон Готбергу, так и к Л. Юрде, который являлся проводником идей Генеральных Комиссаров Белоруссии. Но главную роль в определении церковной политики, методов ее проведения и форм взаимодействия оккупационных властей с православным клиром играл В. Кубэ. Роль его еще не до конца определена в истории нашей страны. Последовательно проводя политику нацистов в отношении религиозных культов, он, тем не менее, создавал видимость участия церковных организаций в решении своей судьбы. Так, православная церковь в Белоруссии имела возможность провести собор по объявлению автокефалии, а вот на Украине при решении аналогичного вопроса обошлись без созыва церковного собора. Отношение немецких оккупационных

властей к православной церкви в оккупированной Белоруссии можно с полной уверенностью охарактеризовать как строгий контроль за любым видом церковной деятельности и грубое вмешательство в церковную политику. Православная церковь в Белоруссии не была самостоятельным институтом в годы оккупации. Находясь под постоянным контролем немецких властей и белорусских коллаборантов, православный клир втягивался в политику, что было грубым нарушением самого понимания церковной организации.

В политике оккупационных властей по отношению к православной церкви в Белоруссии можно выделить несколько этапов.

1. Июнь – август 1941 года. В условиях активных фронтовых действий церковные дела не интересовали армейское командование и тем самым ускользали от оккупационных властей.

2. Август – октябрь 1941 года. Интенсивная формулировка основных принципов отношения оккупационного режима к стихийно действовавшей православной церкви.

3. Октябрь 1941 года – сентябрь 1942 года (включая Всебелорусский церковный собор по объявлению автокефалии православной церкви в Белоруссии). Выработка методов и форм ограничения деятельности православной церкви в Белоруссии со стороны оккупационной власти.

4. Октябрь 1942 года – июль 1944 года. В связи с резким изменением военно-стратегического положения на фронте, коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны, развернувшимся антифашистским и партизанским движением, гибелью В. Кубэ взгляды и принципы относительно места православной церкви в Белоруссии резко поляризовались. Сама администрация стала отходить от принципов собора, практически не уделяя религиозным делам должного внимания.

ГЛАВА 2

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1. **Взаимодействие православной церкви с антифашистским подпольем и советскими партизанами**

1943 год вошел в историю как переломный в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом. Он явился вторым этапом массового развертывания партизанской и подпольной борьбы, антифашистского движения на территории Белоруссии. Это нашло свое отражение в создании, развитии и слиянии партизанских зон и краев. К концу 1943 года партизаны контролировали около 60 % оккупированной территории Белоруссии [105, с. 371]. К концу этого года власть оккупантов, по данным военных историков, в основном сохранялась лишь в городах и вдоль железнодорожных магистралей. В Витебской области одной из крупных партизанских зон была Ушчанско–Лепельская. Она занимала 3 245 квадратных километров с населением 73 тысячи человек. А Борисовско–Бегомельская партизанская зона в Минской области занимала площадь около 6 тысяч квадратных километров с 1 088 населенными пунктами. Ее охраняли около 14 тысяч партизан. Там были восстановлены органы Советской власти, действовало советское законодательство [105, с. 374].

Указанные факторы, а также решительный перелом настроений населения, рост его уверенности в скором освобождении, изменение настроений коллаборантов, некоторая растерянность и дискомфорт в их рядах повлияли на настроение православного клира оккупированной Белоруссии.

Священник, пастырь, в силу установок церкви, должен был уклоняться от «мирской жизни», тем более активно участвовать в политической борьбе. Однако вышеперечисленные факты ставили православный клир в объективную ситуацию необходимости определить личную позицию в меняющейся общественно-политической обстановке. Пастырь не мог быть изолирован от паствы и не откликаться на настроение мирян.

Начало партизанского движения в Белоруссии поставило перед православным клиром нелегкую проблему выбора: либо разделять с мирянами надежду на близкое освобождение от оккупан-

тов, либо следовать установкам иерархов Белорусской Автокефальной Православной Национальной Церкви.

В Пасхальном обращении 1942 года митрополита Пантелеймона говорилось совсем иное: «У нашы дні ваенных часоў (рэчаіснасць. – С.С.) парадзіла адно жудаснае з'яўленне, катораму бязбожныя бальшавікі... прысвоілі назоў «партызанства». А сапраўды гэтыя так званыя партызаны і ў нашы дні проста аматары злодзейства і разбою, ашукана прыкрываючы свой грабеж мірнага насельніцтва прычынай патрыятызму... Малю Вас, браты, усімі магчымымі сіламі і сродкамі адхіляйцеся ад такіх людзей, як ад насіцеляў пякельнага зла, ад якога... мы збавіліся вялікімі ахвярамі брацкага германскага народу» [22].

Будущим священникам после окончания курсов давали наказ: «Вы – будущие священники, разъехавшись на парафии, должны оказывать всяческую личную помощь немецким властям в борьбе с остатками советской нечисти и в произносимых вами проповедях должны воспитывать верующих, чтобы они не оказывали никакой помощи партизанам, считая это за Божий грех как оказание помощи смутьянам» [3].

Иерархи автокефальной церкви архиепископ Филофей, архиепископ Венедикт, митрополит Пантелеймон неоднократно выступали против партизанского и подпольного движения как в своих устных речах, так и в посланиях к духовенству, категорично требуя уклоняться от помощи партизанам и, мало того, в миссионерской деятельности призывать паству к лояльности по отношению к оккупационной власти, «разъяснять в проповедях… народу необходимость спокойной жизни, труда, исполнения распоряжений и требований властей, уклонения от какого-то бы ни было участия в преступной деятельности так называемых бандитов», – писал 22 января 1943 года архиепископ Венедикт [34, л. 187].

Часть православного духовенства была согласна с такой установкой и боролась с партизанским движением. Хрестоматийным примером стала деятельность священника Антониуса из городского поселка Логойск Минской области. После прибытия в Логойск карательного батальона СС под командованием Дирлевангера отец Антониус пошел на прямой контакт с Дирлевангером и стал лучшим пропагандистом «нового порядка» в Европе. Этот священник принимал все меры к тому, чтобы влияние партизан не распространялось на местное население [56].

Часть православного клира, которая сотрудничала с оккупационным режимом, собирала агентурные данные о партизанском

движении как путем бесед с прихожанами, так и методом нарушения тайны исповеди. В августе 1941 года священник Григорий Кударенко по приказу гестапо города Минска посетил партизана, находящегося в тюрьме. На исповеди партизан назвал себя, подробно рассказал о себе, об отряде и его вооружении, о районе его дислокации. После исповеди священник проинформировал обо всем органы гестапо [3]. Однако следует отметить, что священнослужителей, нарушавших тайну исповеди, было немного, а случаи доносов о дислокации партизанских отрядов со стороны приходских служителей культа были единичными.

Сотрудничество части православного клира с оккупационными властями нашло отражение в исторической литературе, в связи с чем автор не ставит перед собой задачи анализировать этот аспект деятельности православного клира, а обращает внимание лишь на неизвестные ранее белорусской общественности факты сотрудничества православного клира с оккупантами. Цель же данной работы – показать сотрудничество части православного клира с партизанами и подпольщиками, о чем ранее практически не было известно.

Неоспоримым, по мнению автора монографии, является тот факт, что определенная часть православного духовенства не приняла оккупационную власть и лояльно относилась к партизанскому и подпольному движению, следуя установкам Московской Патриархии.

«Пусть ваши местные партизаны будут для вас (верующих людей. – С.С.) не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского плена, – писал будущий Патриарх Сергий в январе 1942 года. – Помните, что Родина не забывает вас. Итак, дерзайте, стойте мужественно и непоколебимо, содержа веру и верность, и зрите в спасение от Господа! Господь поборает и поборет за нас» [102, с. 12].

В своем рождественском Послании от 13 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель Сергий указывал, обращаясь к архипастырям и населению оккупированных территорий: «Участник партизанской войны не только тот, кто с оружием в руках нападает на вражеские отряды. Участник и тот, кто поставляет партизанам хлеб, и все, что им нужно в их полной опасности жизни; кто скрывает партизан от предателей и немецких шпионов; кто ходит за ранеными и прочее. Не давайте врагу чувствовать себя хозяином вашей области, жить в ней сытно и безопасно. Пусть тыл для него будет не лучше фронта, где громит его наша Красная Армия» [102, с. 39-40].

Рядовое духовенство не выступило открыто против партизанского и подпольного движения в Белоруссии. Часть из его состава знала о существовании партизанских отрядов, но не доносила ни о месте их дислокации, ни о лицах, связанных с партизанами, хотя и не всегда помогала им.

Учитывая изменения политики со стороны Советского государства по отношению к православной церкви, ряд командиров партизанских отрядов в партизанских зонах поощряли открытие церквей, приглашали священников, разрешали ставить кресты. Делали они это, прежде всего, в пропагандистских целях, чтобы показать лояльность по отношению к церкви со стороны органов Советской власти и еще раз доказать местному населению, что вступление в партизанские отряды не оторвет их от религии. Согласно немецкому полицейскому донесению, в одну из вновь открывшихся церквей в партизанской зоне прибыл партизанский отряд, и его командир молился так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры! Бог есть и будет! Мы были временно задурманены, потому что пренебрегали Богом. Богу надо молиться. Молитесь за нас и за всех бойцов и партизан. Аминь!» [108, с. 96].

Приходские священники были очень тесно связаны со своими прихожанами через исповедь. Если в городах духовенство, даже в случае искреннего стремления, не имело возможности активно помогать партизанам, то в сельских приходах, особенно отдаленных, помощь партизанским отрядам со стороны священников была достаточно частым явлением.

Причинами, побудившими православное духовенство помогать партизанам и подпольщикам, были не столько прямые указания Московского Патриарха, сколько морально-нравственные качества и место проживания каждого священнослужителя. Не стоит упускать из виду и то, что часть православного клира Белоруссии оказалась более дальновидна и была уверена в победе Советского Союза в Великой Отечественной войне даже на начальном этапе военных действий, и поэтому открыто поддерживала будущих победителей в войне, заботясь тем самым о своей личной безопасности. Естественно, что, находясь в партизанской зоне, православный священник не мог не встречаться с партизанами, тем более что священник, используя свой авторитет пастыря, не мог отказать в помощи любому, кто к нему обратится. Для приходских священников достаточно частым явлением были посещения их и партизанами, и полицейскими. Малейшая ошибка в поведении служителя культа могла повлечь за собой его гибель как от рук карателей,

так и партизан. Священники, помогавшие партизанам и подпольщикам, хорошо понимали, что ставят под угрозу не только свои жизни, но и жизни всех своих близких.

Формы помощи были различны: снабжали продуктами, медикаментами, предоставляли кров для отдыха партизан, лечили раненых, доставали документы, писали фиктивные справки, укрывали молодежь, участвовали в разведках и воевали с оружием в руках. Вступление представителей православного клира в партизанские отряды не было массовым, но единичные случаи имели место.

Священник Анатолий Гандарович из деревни Рабунь Куренецкого района Вилейской области принимал у себя партизан, заданий от них не получал, но давал им продукты и предоставлял место для отдыха. Партизаны хранили в доме священника тол, капсули и бикфордовы шнуры. Помогал им священник и медикаментами [3].

Священник деревни Массоляны Крынковского района Белостокской области Анатолий Миссеюк неоднократно передавал продукты для партизанского отряда «Звезда» сначала через связного отряда Ивана Колосникова, а после его ареста через командира роты этого же партизанского отряда Николая Шишкина передавал для партизан яйца, сало, хлеб, самогон [4].

Кроме того, партизаны этого отряда вместе с Николаем Шишкиным заходили отдохнуть к священнику перед и после задания. В доме священника их кормили [4]. Руководство партизанского отряда «Звезда» священнику Анатолию Ивановичу Миссеюку выдало справку о том, что он помогал партизанам отряда продуктами и что с его стороны «предательских дел и сотрудничества с оккупантами» не замечено [4].

Принимал у себя партизан и священник села Сидельники Порозовского района Брестской области Яссиевич Афанасий Автонович. Начиная с 1942 года, к нему систематически с интервалом в неделю-две приходили партизаны, называвшие себя «москвичами». В 1943 году в канун Пасхи в дом Афанасия Яссиевича пришли около десяти партизан. Отобедав, один из них вручил священнику отпечатанное на машинке воззвание Киевского и Галицкого архиепископа Николая Крутицкого. «Враг подвергает осквернению наши святыни, храмы божии. Во многих городах и селах они были превращены фашистами в конюшни, в уборные, в кухни, застенки, где пытают арестованных… Святая церковь радуется, что на святое дело восстают народные Герои – Славные Партизаны. Дорогие братья и сестры! Вас всех святая церковь пламенно зовет: по-

могайте чем можете этим героям выполнять их святое деяние», – прочел священник [42]. Тогда же отец Афанасий вручил партизанам 100 немецких марок и пару белья [4].

Священник деревни Блячино Клецкого района Барановичской области Николай Александрович Хильтов [П. 9] постоянно помогал разведывательной группе под командованием Михаила Шершнева из бригады имени Василия Ивановича Чапаева, действовавшей в той же области. Осенью 1942 года после выполнения задания диверсионная группа из пяти партизан останавливалась в доме отца Николая. В это время стало известно, что в деревню приехали немцы. Священнику пришлось запереть в одной из комнат дома партизан, а в другой принимать карателей, которые, пробыв недолго в доме священника, ушли. Священник обеспечил Михаила Шершнева «западной» одеждой, добыл ему пропуск и паспорт, не раз представлял командира диверсионной группы своим племянником. Неоднократно указывал отец Николай расположение полицейских засад. В ноябре 1942 года в перестрелке с карателями Николай Анохин погиб. Его тело принесли в дом священника, отец Николай совершил над ним погребальный обряд, после чего партизан был захоронен в гумне священника. Спустя некоторое время партизаны перезахоронили разведчика в центре деревни Блячино [109].

Четвертого января 1944 года отец Николай Хильтов написал письмо командиру партизанского отряда Еременко из той же бригады, поздравил его с праздником Рождества и просил отправить Мишу Шершнева, тяжело переживавшего смерть своего командира Н.А. Анохина, в «дом отдыха для физически и психически больных». Этот «дом отдыха» был создан отцом Николаем Хильтовым при церковном доме, там партизаны поправляли свое здоровье [42].

Сотрудничал с партизанами и отец Иоанн Курьян, служивший в одном из приходов Минской области. К нему в дом часто заходил офицер немецкой армии, служивший капелланом, и предупреждал отца Иоанна о готовящихся карательных акциях против партизан, а тот в свою очередь передавал сведения связному партизанского отряда Александру Даниловичу Волохоновичу [31].

Был связным партизанского отряда имени Григория Котовского Ильянского района Вилейской области, а позднее вступил в партизанский отряд имени Михаила Фрунзе, действовавший на территории той же области, и священник деревни Латыголь Виктор Васильевич Бекаревич [П. 10]. В феврале 1944 года отец Виктор Бекаревич передал подпольному Молодечненскому РК КП(б)Б и подпольному

РК ЛКСМБ 5 100 рублей [45]. Штаб партизанского движения БССР 24 ноября 1944 года отцу Виктору выдал официальную справку о том, что он работал связным партизанского отряда имени Григория Котовского с 1 мая 1944 года по 28 июня 1944 года [45].

Протоиерей Василий Данилович Копычко – благочинный Гомельского округа – являлся партизаном партизанской бригады имени Вячеслава Молотова, действовавшей на территории Пинской области [П. 11]. Василий Копычко собирал сведения о противнике, агитировал население поддерживать партизанское движение. Отец Василий организовал среди крестьян сбор одежды, обуви, продуктов питания для партизан. Он распространял сводки Совинформбюро. Отец Василий не только предупредил население о готовящейся карательной экспедиции против партизан, но и вступил в партизанский отряд [46].

Протоиерей Михаил Фомич Скрипко – настоятель Негневичской церкви Лидского благочиния Барановичской области – был связным партизанского отряда имени Вячеслава Молотова [46].

Протоиерей Александр Романушко – настоятель Мало-Плотницкой церкви Логишинского района Пинской области – не раз участвовал в боевых операциях. Он ходил в разведку, был партизанским батюшкой. Летом 1943 года родственники убитого партизанами полицейского искали священника для отпевания покойного. Один священник отказался, а отец Александр согласился. На кладбище была выставлена вооруженная охрана. Все приготовились слушать отпевание. Обведя глазами собравшихся, отец Александр, обращаясь к матери и отцу убитого, сказал: «Не наших молитв и «со святыми упокоения» своей жизнью заслужил во гробе придлежащий. Он изменник Родины и убийца невинных детей и старцев… Вместо «Вечной памяти» произнесем же «Анафема» [100, с. 14]. Среди изумленных собравшихся установилась мертвая тишина. Все сказанное священником прозвучало очень смело и могло повлечь за собой его гибель. Но отец Александр, подойдя к полицейским, продолжал: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, в Божьих храмах заживо сжигает верующих и священников» [100, с. 14]. Потрясенные полицейские не тронули служителя церкви.

Протоиерей Александр Романушко участвовал в партизанском движении с лета 1942 до лета 1944 года. Из его письма, посланного осенью 1944 года митрополиту Алексию, известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в

связи с расстрелами многих из них фашистами именно за содействие партизанам [27, с. 43].

Не раз приходилось священникам писать справки о том, что подозреваемые в связях с партизанами люди «глубоко верующие и не имеющие к партизанскому движению никакого отношения». Выдавая такие справки членам сельских советов, работникам советских учреждений, работникам советской милиции, священник Михаил Гапоник из деревни Девятковцы Берестовицкого района Белостокской области, священник деревни Новый Двор Василишковского района Барановичской области Ефстафий Балабушевич, священник Владимирской церкви города Гродно Юлиан Миллер спасали жизни не только партизан и подпольщиков, но и их родных [4]. Священник Михаил Гапоник был оштрафован немецкими карательными органами за фиктивные справки, выданные десяти человекам, на 1 000 немецких марок [4].

Следует подчеркнуть, что написание справок было самой распространенной формой помощи населению со стороны православных священников. Священник села Заберезье Воложинского благочиния Барановичской области Евстафий Кондратьевич Баслык обнаружил в церковном архиве старую церковную медную (для лака) печать с изображением храма с крестами и со славянской надписью кругом: «Заберезская Свято-Благовещенская церковь». Пользуясь этой печатью, священник стал выдавать удостоверения о том, что «предъявитель сего, гражданин ..., проживающий в деревне..., что и удостоверяется». Затем отец Евстафий ставил печать и подпись. Священник выдал не один десяток таких удостоверений, в том числе председателю Заберезского сельского совета Ивану Васильевичу Ковалевскому, активистам Ивану Стаселовичу и Антону Богуцкому [30].

Более двух десятков подобных справок выдал священник Грудово-Хожово-Полчанского прихода Молодечненского района Вилейской области Николай Гуринович [3]. Свои действия он объяснял просто: «Я не был всемогущим и всесильным. Я был только одиноким, единственным в своем искреннем желании помочь обреченным людям – единственным не убоявшимся подать свой голос в защиту невинных людей. То, что считал целесообразным и нужным, в то время я делал так, как говорило мне мое сердце» [3].

Ходатайствовали за арестованных, которые подозревались в связях с партизанами, священник Гончарской церкви Лидского района Барановичской области Николай Устинович и священник деревни Олекшицы Крынковского района Белостокской области

Иоким Лещинский [4]. Не выдал партизанскую связную Елену Шемелевскую отряда Забелина и гродненский священник Федор Выборнов. Елена Шемелевская использовала квартиру отца Федора для встречи со вторым связным [4].

Иногда священникам удавалось спасти население от гибели. Так, настоятель церкви села Сверцевичи Иван Иванович Рожанович, узнав о карательной акции против партизан, сообщил об этом партизанскому командованию. Оно послало к карателям церковную делегацию с жалобой на партизан, подчеркнув при этом их значительные силы. Делегация просила карателей защитить мирное население от «бандитов». Главой делегации был отец Иоанн, которому удалось убедить карателей отступить [100, с. 14].

После перестрелки между партизанами и немцами жители прихода Гончарской церкви Лидского района Барановичской области, который возглавлял отец Николай Устинович, ушли в лес, а священник остался. Каратели стали спрашивать его о партизанах, и отец Николай пояснил, что в деревне партизан нет. Тогда немцы повели священника под конвоем через всю деревню, предупредив, что если раздастся хоть один выстрел, то священника убьют, а деревню сожгут. В зловещем сопровождении отец Николай прошел через всю деревню. Выстрелов не было, жители остались живы [4].

Укрывали православные священники и молодежь, которая по приказам оккупационных властей подлежала угону на работы в Германию. Высшие церковные иерархи призывали молодежь добровольно уезжать в Германию, а приходские священники прятали молодых людей в своих домах. Достаточно часто, выполняя распоряжения высшей церковной власти, на службе в церкви священники зачитывали приказы об угоне в Германию молодежи, а после служб предоставляли молодым людям убежище.

Священник села Милевичи Ленинского района Пинской области Евгений Крокас во время оккупации активно сотрудничал с партизанским отрядом имени Клима Ворошилова, указывал направление движения немецких войск [П. 12]. В 1943 году отец Евгений зачитал своим прихожанам обращение «К белорусскому народу Верховного Совета БССР» [П.13], [53].

Многие партизаны нуждались в медицинской помощи. Жена священника Николая Хильтова делала партизанам перевязки. Священник Борис Константинович Кирик, служивший в деревне Ятра Кореличского района Барановичской области, наряду с духовным образованием, имел и медицинское – был фельдшером. Отец Борис под полом своего церковного дома выкопал огромный погреб,

где устроил госпиталь для партизан на десять коек [25]. Родной брат Бориса Кирика Павел Кирик был секретарем епископа Афанасия Мартоса в городе Новогрудке. Борис Константинович Кирик выписывал рецепты, Павел Константинович Кирик получал по ним лекарства в городской новогрудской аптеке у знакомой фармацевтки Сосиновской, являвшейся дочерью священника. Еженедельно Борис Константинович Кирик приезжал к брату за лекарствами [25]. Для содержания подпольного госпиталя требовались не только медикаменты, но и добровольные помощники, которые набирались из членов прихода. Это требовало от жителей села Ятры соблюдения правил конспирации, а от священника – таланта организатора и большого доверия к прихожанам. Одного доноса было бы достаточно для гибели жителей всей деревни. Вышеуказанное свидетельствует о том, что священнослужители, помогавшие антифашистскому движению, имели свою агентурную сеть, о которой практически незвестно белорусским исследователям.

Война очень резко развела людей по обеим сторонам баррикад. На каждой из сторон оказались вольные или невольные участники этой войны. И если священнослужители, помогавшие партизанскому и подпольному движению, подвергались репрессиям со стороны оккупационных властей, то священники, сотрудничавшие с нацистами, опасались расправы со стороны антифашистских сил.

Священнослужителям, которые сотрудничали с оккупационным режимом, партизаны выносили смертные приговоры. По приговорам партизанских судов были казнены 7 февраля 1943 года священник Борис Мацкевич (город Речица Полесской области), 21 февраля 1943 года – священник Даниил Кунцевич (приход неизвестен). Некоторые священнослужители, опасаясь мести со стороны партизан, переезжали в другие приходы. Так, в 1943 году после убийства партизанами коменданта немецкой жандармерии Найгарда в деревне Новый Двор Василишковского района Барановичской области священник Евстафий Балабушевич, боясь партизан, переехал в деревню Порозово Брестской области [4].

Всего за годы оккупации партизанами были убиты 42 православных священника. Среди них – Анатолий Серпов, убитый в 1942 году (Поставский район Вилейской области, приход неизвестен), священник Вячеслав Малашко, заживо сожженный около городского поселка Бегомль Минской области в том же году. Священник Оладко был убит в Восточной Белоруссии в 1942 году (приход неизвестен), священник Антон Калиновский – в приходе Валовцы Горецкого района Могилевской области в 1943 году, священник

Николай Скабей – на Полесье в 1943 году. В том же году после оглашения указа немецких властей об угоне людей в Германию были расстреляны священник Николай Деруга и его сын Вениамин [80, л. 64; 58, с. 116-117]. Оба похоронены в деревне Орля Желудокского района Барановичской области [31].

Известны случаи поджога партизанами церквей и домов священников. Так, в доме отца Сергея Павловича Белайца в деревне Явор Дятловского района Барановичской области немцы хотели разместить полицейский гарнизон. В знак протеста партизаны сожгли дом священника, а отец Сергей переехал жить в другую деревню, куда к нему неоднократно приходили партизаны. За март-апрель 1944 года партизаны сожгли церкви в Браславском, Вилейском и Поставском районах Вилейской области [20]. При зачистке территории партизанами была сожжена церковь в деревне Сватки Мядельского района Вилейской области [58, с. 118].

5 июля 1943 года по пути на встречу с епископом Смоленским найсвятейшим Степаном, чтобы привезти того в город Минск для решения церковных дел, подорвался на партизанской мине отец Иван Кушнер. 8 июля 1943 года он был похоронен на военном кладбище в городе Минске. На похоронах с речами выступили митрополит Пантелеймон, магистр богословия священник Михаил Севба, магистр богословия Николай Лапицкий, архиепископ Филофей и священник Никифор Пыск [14].

Любая связь с партизанами жестоко каралась оккупационной властью. Гитлеровцы не только давали разрешения на открытие церквей, но и безжалостно сжигали их, если была замечена связь с партизанами. Так, в Освейском районе Витебской области при проведении карательных акций было сожжено пять церквей [86, л. 22]. В октябре 1943 года в деревне Доры Воложинского района Барановичской области каратели уничтожили 106 человек, из них до этого 26 были согнаны в церковь и заживо сожжены [26].

Такая же страшная участь была уготована и жителям деревни Вулька Лунинецкого района Пинской области. Всех оставшихся в живых 47 жителей деревни, включая и семью священника, согнали в церковь. Очевидец этих событий Шахнович вспоминает, что в храм ворвались около 60 немцев. Они избивали людей, расстреливали иконы, затем забросали церковь бутылками с зажигательной смесью. «Возвысились десятки живых огоньков, высоко к кресту, сповитому дымом. Поднялся гул, словно где-то далеко звонят колокола. Прошла еще пара минут ада в крике мучающихся, гул огня и золотистые искры, словно обильный снег,

посыпались на пол. Завершив «акцию» в этой деревне, каратели пошли дальше» [86, л. 72–74].

Отец Иоанн Лойко был заживо сожжен со своими прихожанами в деревне Хворосно Логишинского района Пинской области [100, с. 14].

Во время карательных экспедиций по Гомельской области были сожжены церкви в селах Прибытки, Бабовичи, Ларищево, Поколюбичи, Скиток Гомельского района [90, л. 20, 21]. В годы оккупации в городе Гомеле были сожжены церковь Рождества Богородицы, вновь отстроенная церковь Александра Невского и собор со всей утварью [90, л. 99].

Полностью уничтожили каратели на Гомельщине церкви в селах Заполье, Заболотье, Старое Село, Кистени, Гадиловичи, Лучине, Турске, Збарове Рогачевского района, городе Жлобине. Многие церкви перед сожжением осквернялись: взрывались полы, разбивались иконы [90, л. 99, 190]. Всего за годы оккупации по распоряжению немецких властей было сожжено 21 церковное здание [95, л. 97].

Все, что находилось на оккупированной нацистами территории Белоруссии, объявлялось собственностью третьего рейха, и гитлеровцы не делали различий между светскими и духовными учреждениями. Если оккупационные власти считали необходимым, то использовали церкви для размещения в них тюрем и концентрационных лагерей для содержания военнопленных. Так, в селе Романовичи Гомельской области осенью 1943 года в церкви Николая Чудотворца содержались около ста человек [95, л. 20]. В Чечерском районе Гомельской области немцы, предварительно разграбив Спассо-Преображенскую и Кладбищенско-Георгиевскую церкви, уничтожив плащаницы и около двадцати икон, написанных монахами и живописцами Киево-Печерской Лавры в XVIII веке, превратили эти храмы в лагеря для военнопленных [90, л. 207].

Нелегко сложились судьбы многих священников-патриотов. Был угнан в Германию в концентрационный лагерь иеромонах Сергий из Жировицкого монастыря. Дальнейшая судьба его неизвестна [63, с. 274]. Священник Александр Волосович был отправлен в лагерь за то, что его сын был партизаном [58, с. 123]. Вывезены немцами в 1943 году священник Михаил Федорович Кашеля, псаломщик Раковичской церкви Всеволод Иванович Олеханович [35, л. 92; 36, л. 29]. Известны случаи угона в Германию родственников священнослужителей. В том же 1943 году немцы выслали в лагерь мать и отца жены священника Николая Устиновича [4].

Если кто-либо из священников был замечен в связях с партизанами, то его ждала смерть. После получения санкций архиепис-

копа Филофея был зверски замучен священник Владимир Назаревский (Полоцкая епархия), который сотрудничал с партизанами, а те в благодарность за сотрудничество вспахали ночью его огород. Уже утром он был арестован. Был подвергнут аресту и казнен девяностодвухлетний Александр Волосович за отказ сотрудничать с оккупационными властями [104].

Осенью 1943 года был расстрелян немцами священник Николай Иванович Михайловский – настоятель Свято-Воздвиженской церкви деревни Рогозино Жабинковского района Брестской области. Против его воли немецкая военная часть заняла храм и устроила там свой пост. Некоторых жителей деревни подвешивали на оконных железных решетках и издевались над ними, въезжали в храм на лошадях. Отец Николай заявил протест высшим немецким властям в городе Бресте. После этого он был схвачен, его заставили выкопать на церковном погосте себе могилу, подвесили на решетке церкви и избивали, затем чуть живого поставили на колени на краю могилы и расстреляли [44].

За связь с партизанами были расстреляны священник Новик с женой и детьми, семидесятидвухлетний протоиерей Павел Сосновский. После зверских пыток расстрелян и сорокасемилетний священник Павел Щерба (приходы неизвестны) [58, с. 122].

Отец Косьма Петрович Раина, настоятель церкви в селе Хойно Жабинского района Пинской области, говорил на отпевании казненных фашистами жителей села Невель этого же района Пинской области: «Мы верим, что по молитвам Святой церкви они получат со святыми упокоение, верим, что память о погибших сохранится не только в наших сердцах, но и в сердцах тех, кто будет свободно жить на этой земле, где пролита их невинная кровь» [100]. Только с помощью партизан отцу Косьме удалось уйти в партизанский отряд и избежать смерти.

За связь с партизанами осенью 1943 года немцы расстреляли семью священника деревни Лаша Виталия Михайловича Боровского. Его выдала жена помощника старосты деревни Лаша Гродненского района Белостокской области Мария Лянгер, которая увидела в доме священника партизан и донесла на отца Виталия. Не избежала возмездия и доносчица, партизаны ее расстреляли [4].

Шестидесятилетнего священника Петра Бацяна, служившего настоятелем в деревне Кобыльники Мядельского района Вилейской области, арестовало СД за помощь евреям. Над ним жестоко издевались в Минской тюрьме: запрягали в плуг и пахали тюремный огород, травили собаками до тех пор, пока священник не умер.

В 1943 году СД расстреляло священника Малишевского в городе Слониме Барановичской области. Протоиерей Павел Сосновский выдавал справки о благонадежности. Во время облавы был арестован человек со справкой отца Павла, за что протоиерей Павел Сосновский был арестован СД и зверски замучен [58, с. 123].

Ночью 6 апреля 1944 года арестовали отца Николая Александровича Хильтова, его брата Георгия Александровича Хильтова, тоже священника, за связь с партизанами. Жены священников Хильтовых Наталья Ивановна и Лидия Александровна вместе с детьми поехали в город Барановичи, надеясь узнать о судьбе мужей. Оставив детей у знакомых, женщины направились на прием к Радославу Островскому, надеясь на его помощь. В то время, когда Радослав Островский преподавал в городе Вильно в белорусской гимназии, Николай Александрович Хильтов был его учеником. Но из Барановичского СД жены не вернулись и были вместе с мужьями замучены в концентрационном лагере «Колдычево» [62].

Погиб и отец Борис Константинович Кирик. Его выдал какой-то человек, лечившийся в подпольном госпитале, который затем перешел в полицию и донес на отца Бориса. Кирик погиб, не выдав брата и Сосиновской [25].

В отдельных случаях священники-патриоты отмечались правительственными наградами. За заслуги перед Родиной и за личное мужество Виктор Васильевич Бекаревич был награжден Орденом Великой Отечественной войны второй степени [99].

Отец Василий Копычко награжден медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [46].

Заштатный протоиерей Петр Иванович Рожанович из прихода села Рухче Столинского района Пинской области за посильную помощь, которую он оказывал прихожанам и местным партизанским отрядам, был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [46].

Священник прихода села Омеленец Клещельского района Брестской области Евгений Мисеюк [П. 14] за патриотическую работу был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом Преподобного Сергия Радонежского. Маршал Георгий Константинович Жуков лично обращался к нему с благодарностью за его служение Родине и в знак уважения прислал для Свято-Крестовоздвиженской церкви из Пруссии три колокола [43].

В 1945 году священник Поречской церкви Пуховичского района Минской области Федор Слабухо прислал письмо П. Понома-

ренко, в котором рассказывал о своем тяжелом материальном положении. Во время немецкой оккупации отец Федор оказывал партизанам материальную помощь. По прямому указанию П. Пономаренко для священника была приготовлена продуктовая посылка, которую ему лично доставила заместитель председателя Совета Народных Комиссаров БССР товарищ Грекова, одновременно вручив Федору Слабухо партизанскую медаль [95, л. 4].

Уже в 1943 году на одном из секретных совещаний Вильгельм Кубэ констатировал: «В 1941 году нам сказали, чтобы мы снова открыли православную церковь. Но это не произвело большого впечатления на население. Эмигрантские круги утверждали, что народ скучает по попу, стоит ему вернуть попа, и он будет рад. На самом деле фактом является то, что этот народ за 25 лет, с 1917 по 1941 годы, сделал необычный шаг, в этом мы убедились за полтора года пребывания здесь» [1, с. 96].

Народ не принял «нового порядка» и поднялся на борьбу. Многие представители православного духовенства в трудный час не только молитвами и духовной поддержкой помогали партизанам и подпольщикам, но и оказывали им действенную помощь. Они воевали с оружием в руках, погибали за свободу своей Родины и своей веры, потому что не могли поступить иначе, не могли предать свой народ, честно выполняли свой пастырский долг и помнили не о себе, а о других, думали не про настоящее, а про будущее, стали истинными патриотами Белоруссии. Горечь о перенесенных репрессиях по отношению к духовенству со стороны Советской власти не заслонила сознания общей беды, которая пришла на белорусскую землю с началом нацистской оккупации. Представители православного клира понимали, что прихожане их не поймут, если они перейдут на сторону тех, кто уничтожает их народ. Священники действовали по христианским законам и не могли отказать в помощи тем, кто в ней нуждался, не могли не поддерживать своих прихожан морально, помогая пережить тяжелый период оккупации, карательные экспедиции и смерть близких людей. Поэтому многие из них и разделили горькую судьбу народа Белоруссии в годы войны.

2.2. **Формы и методы материальной и моральной помощи православной церкви фронту**

Двадцать второго июня 1941 года вписано кровью в историю нашего Отечества – началась Великая Отечественная война.

О нападении фашистской Германии будущий Патриарх Сергий узнал, вернувшись со службы в Богоявленском соборе. Он заперся у себя в кабинете и написал послание к православным верующим: «Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. Но с Божьей помощью и на сей раз он раздавит в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о минутных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и вере. Нам, пастырям церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг... непристойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается... А если сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объясняется еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу. Положим же души наши вместе с паствой. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины» [102, с. 4].

С подобным по содержанию посланием выступил и митрополит Ленинградский Алексий.

Но положение на фронтах было крайне тяжелым. Оставляя города и села, отступала Красная Армия, обезглавленная и униженная репрессиями 1937 – 1941 годов. Она отступала, а ей вслед смотрели люди оставленных городов и сел. Скупые сводки Совинформбюро не могли отразить всей боли и ужаса от сознания того, какая сила надвигается на покинутые территории. Осознавая свой гражданский долг и не отделяя себя от своего Отечества и своего народа, вступали в Красную Армию священнослужители, несмотря на репрессивное отношение к ним Советской власти. Они уходили с Красной Армией вглубь СССР, чтобы вернуться в 1944 году и увидеть в глазах своих прихожан радость и счастье. Всего на фронтах сражались 43 священнослужителя [П. 15].

В декабре 1942 года митрополит Сергий обратился ко всем верующим с просьбой о пожертвовании средств на танковую колонну имени Димитрия Донского: «Пусть наша церковная колонна понесет на себе благословление православной нашей церкви и ее неумолкаемую молитву об успехах русского оружия. Нам же это всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения Родины» [102, с. 42]. Денежные средства на

строительство танковой колонны перечислялись в местные отделения Государственного банка для передачи их в находящийся в Москве специальный фонд сооружения церковной танковой колонны имени Димитрия Донского, одновременно извещая о пожертвованиях Московскую Патриархию. К июню 1942 года было собрано более 8 миллионов рублей [102, с. 42]. Параллельно шли сборы средств на теплые вещи для красноармейцев, на подарки им к праздникам, на уход за инвалидами войны, на воспитание детей военных и на восстановление районов, пострадавших от немецкой оккупации. К концу 1943 года общие взносы Русской Православной Церкви в фонд обороны составили более 300 миллионов рублей. Только за март 1943 года верующие и миряне Белоруссии, эвакуированные вглубь России, и те, кто находился на оккупированной врагом территории, внесли 5 400 рублей на строительство самолетов и бронепоезда «Советская Белоруссия» [61, с. 169].

Белоруссия была быстро оккупирована врагом и не могла оказывать денежную помощь Красной Армии в полной мере. Однако в период оккупации отмечались случаи передачи денежных средств священнослужителями на нужды Красной Армии через партизанские отряды и подпольные райкомы Коммунистической партии. Семидесятидвухлетний священник Слобухо Яков Федорович из Гресского района Минской области передал подпольному Гресскому обкому КП(б)Б 200 рублей деньгами и 180 рублей облигациями в фонд обороны страны, о чем было указано в политдонесении секретаря Гресского подпольного райкома КП(б)Б И.И.Пузевича Минскому подпольному обкому КП(б)Б о партийной, массово-политической работе и боевой деятельности подпольщиков в мае 1943 года [29, с. 435]. А 28 июля 1943 года священник деревни Ветлы Пинского района, имя которого, к сожалению, неизвестно, передал комиссару партизанского отряда имени Суворова Сергею Чубареву на строительство танковой колоны в фонд обороны 490 рублей [46]. Церковная танковая колонна имени Димитрия Донского участвовала во многих боях во время Великой Отечественной войны [П. 16, 17].

Активная помощь фронту со стороны православной церкви в Белоруссии началась со времени освобождения республики от немецких войск и продолжалась до конца Великой Отечественной войны.

Уже 24 августа 1944 года распоряжением Совета Народных Комиссаров Советского Союза за № 17350 «р» было разрешено Государственному банку СССР открыть Московской Патриархии,

епархиальным управлениям и приходам текущие счета для хранения церковных сумм и для пожертвований [94, л. 8].

Возглавивший после освобождения республики православную церковь в Белоруссии архиепископ Василий Ратмиров прилагал много усилий для активного сбора пожертвований. Если в период оккупации православное духовенство оказывало, прежде всего, моральную и иную поддержку фронту через молитву и помощь партизанскому и подпольному движению, то с августа 1944 года фронт получал существенную материальную помощь. К декабрю 1944 года православной церковью в Белоруссии было собрано в фонд обороны страны, семьям и сиротам бойцов Красной Армии 4 872 000 рублей [92, л. 140].

Девятнадцатого января 1945 года архиепископ Василий обратился к председателю Совета Народных Комиссаров БССР П.К. Пономаренко с просьбой разрешить открыть церковный завод. В октябре 1944 года при Минском церковном управлении был открыт завод по производству церковных свечей. Открытие его преследовало две цели: удовлетворить запросы церкви в свечах и собрать средства в фонд обороны страны [92, л. 51]. Но в связи с тем, что на территории Белоруссии сохранилось много кустарных мастерских этого профиля, сбыт свечей завода был весьма незначителен. Так, с октября 1944 по январь 1945 года оборотная сумма завода составила 96 000 рублей, из которых 25 000 рублей было перечислено в фонд помощи семьям бойцов Красной Армии и 15 000 – в фонд обороны [92, л. 51]. Архиепископ Василий рассчитал, что если бы завод обслуживал все церкви Белоруссии, то оборотные средства были бы не менее 1 500 000 рублей и отчислений в фонд обороны поступило бы не 40 000 рублей, а около 1 000 000 рублей [92, л. 51]. В связи с этим архиепископ Василий обратился к П.К. Пономаренко с просьбой об издании Советом Народных Комиссаров БССР распоряжения о ликвидации всех свечных мастерских, существующих нелегально. Он утверждал, что это будет способствовать развитию церковного завода, который принесет немалые суммы в фонд обороны страны [92, л. 52].

Архиепископ Василий не раз обращался к верующим с посланиями, в которых содержался призыв вносить пожертвования в фонд обороны страны. Это давало положительные результаты. Только с 1 сентября по 31 декабря 1944 года духовенством Белоруссии и верующими было собрано деньгами, продуктами и холстом 2 190 473 рубля [92, л. 54]. Из них в фонд обороны страны поступило 1 639 393 рубля и в фонд помощи семьям и сиротам бойцов Красной

Армии – 551 080 рублей. Кроме того, лично архиепископом Василием было внесено в фонд обороны 33 000 рублей и в фонд семьям и сиротам бойцов Красной Армии – 75 000 рублей. В целом же, благодаря усилиям православного клира, было собрано и передано в оба фонда 2 300 475 рублей [92, л. 54]. Это был «первый скромный дар, дар любви к Красной Армии, громящей в настоящее время фашистского зверя в его собственной берлоге», – писал архиепископ Василий П.К. Пономаренко в марте 1945 года [92, л. 54]. Наряду с этим он заверял, что белорусская церковь и впредь будет принимать «живейшее участие в оказании материальной помощи Красной Армии в деле окончательного разгрома нацистской Германии» [95, л. 98].

Продолжали поступать материальные пожертвования и в 1945 году. Если за пять месяцев 1944 года (с августа по декабрь 1944 года) в Брестской области было собрано на военные нужды 140 986 рублей и два фунта серебряных монет, то за январь-февраль 1945 года денежный сбор на нужды обороны составил уже 512 627 рублей и один фунт серебряных монет [95, л. 98].

По Кобринскому благочинному округу (благочинный – протоиерей Ф. Дмитриюк) было собрано 172 073 рубля, Антопольскому (благочинный – протоиерей А. Мацкевич) – 74 760 рублей, Высоковскому (благочинный – С. Деков) – 59 032 рубля [95, л. 98, 118]. Кроме того, в значительных количествах поступали зерно, продукты, полотно. Только по Высоковскому благочинию за два месяца 1945 года было сдано 5 700 килограммов зерна и других продуктов, 632 метра полотна, 330 единиц разных вещей (рукавиц, носков, шарфов). Всего в разные фонды духовенством и верующими Брестской области было внесено в 1944 -1945 годах 1 328 580 рублей и три фунта серебра [95, л. 98, 118].

Благочинные Брестской области на собрании 15 марта 1945 года, посвященном развертыванию агитационно-патриотической работы среди верующих, приняли решение «неустанно вести патриотическую работу во всех приходах епархии, поддерживая дух бодрости среди прихожан путем произнесения соответствующих проповедей с церковного амвона и частных бесед, располагая прихожан к щедрым жертвам деньгами и натурой на нужды, вызванные войной, как словом, так и в особенности личным примером» [95, л. 98]. Такая установка и позиция православного духовенства были характерны для всей территории Белоруссии. Но не стоит забывать о том, что в действиях православного клира в 1944–1945 годах прослеживается и еще одна линия – оправдаться перед Мос-

ковской Патриархией и Советским государством за попытку автокефалии и за сотрудничество белорусского епископата с оккупационной властью. Патриотическая деятельность православной церкви в Белоруссии после освобождения республики была направлена, по мнению автора монографии, в том числе на показ лояльности со стороны духовенства к Советскому строю и политике Советского государства по отношению к религиозным культам.

Значительную работу провел священник Толочинской церкви одноименного района Витебской области Абрамов. Он внес в фонд Красной Армии 10 000 рублей, в фонд помощи осиротевшим детям – 12 000 рублей. Словенская церковь Толочинского района собрала 8 000 рублей, Бешенковичская церковь внесла в различные фонды 17 000 рублей, остальные церкви Витебской области – от 1 000 до 5 000 рублей [95, л. 188].

С марта по июнь 1945 года духовенство и верующие Гродненской области внесли в фонд обороны страны 36 484 рубля и сдали натурой 282 килограмма овса, 8 килограммов льна. В фонд помощи семьям фронтовиков и советских партизан духовенством и верующими Гродненской области было внесено деньгами 12 958 рублей и натурой – на 750 рублей [96, л. 12].

Верующими через церкви Барановичской области было пожертвовано в фонд обороны 65 971 рубль 45 копеек, в пользу сирот и семей воинов Красной Армии – 39 895 рублей, всего пожертвовано деньгами 105 866 рублей 45 копеек [95, л. 59]. Не обходило своей заботой духовенство и раненых, которые находились в госпиталях. В начале 1945 года православная церковь провела единовременный сбор продуктов для военных госпиталей и для семей военнослужащих. Только в Барановичской области для этих нужд было собрано 2 700 штук яиц, 12 килограммов масла, 1 865 килограммов ржи, 93 метра холста, 2 килограмма льна и 80 килограммов картофеля [95, л. 59].

Если принимать во внимание тот факт, что все пожертвования вносились в тяжелые военные дни населением, которое пережило оккупацию, то эти, на первый взгляд, небольшие размеры пожертвований становятся огромным подвигом населения, которое ставило судьбу Родины выше личных проблем, понимая, что в страшной войне нельзя выжить в одиночку. И если сегодня ты помог ближнему, выполняя христианскую заповедь, то завтра помогут тебе.

Помогали фронту верующие Пинской области. В фонд обороны ими совместно с духовенством было внесено 101 110 рублей, в фонд помощи семьям бойцов Красной Армии – 51 540 рублей, на

строительство и нужды танковой колонны имени Димитрия Донского – 23 953 рубля натурой и в пересчете на деньги – 85 898 рублей [95, л. 110].

Участвовало духовенство и в проведении 4 Государственного Военного Займа. Священник церкви Святого Георгия Победоносца города Лиды Евгений Калистратович Чешик подписался на три тысячи рублей, выступил в церкви с призывом к верующим участвовать в подписке на заем [95, л. 4]. Священник села Олекшицы Берестовицкого района Гродненской области Владимир Беляев подписался на 1 000 рублей и внес эту сумму наличными, во время богослужения в церкви поздравил верующих с победой над фашистской Германией и призвал население участвовать в 4 Государственном Военном Займе [95, л. 4]. Православное духовенство Гродненской области внесло в банк 52 990 рублей [95, л. 12]. Верующие Пинской области подписались на 12 945 рублей [95, л. 110].

Священнослужители своим личным примером призывали население не только к пожертвованиям. Священник Раковичской церкви Гродненской епархии Александр Гоголушко, узнав, что по сельскому совету его прихода не выполняется план лесозаготовок, на общем собрании крестьян предложил свою помощь. На следующий день он взял пилу, топор и поехал в лес. Новость быстро облетела приход. Население вышло на лесозаготовки во главе со своим священником и перевыполнило план за два дня [95, л. 3].

Священник Спассо-Преображенской церкви села Острино Гродненской области Петр Голосов во время богослужений систематически зачитывал в церкви приказы Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина и знакомил верующих с положением на фронтах и победами Красной Армии [95, л. 3].

Тяготы войны и периода оккупации тяжелым бременем легли на плечи населения. Не сильно отличались в материальном положении от своих прихожан и священнослужители. Но после освобождения белорусской земли от нацизма духовенство нашло в себе силы морально поддерживать не только своих прихожан, но и бойцов Красной Армии. Они оказывали им свою помощь и в годы оккупации, поддерживая в своих прихожанах веру в победу над нацистской Германией. Патриотически настроенная часть православного духовенства зачитывала прихожанам сводки Совинформбюро, приказы командования, оказывала помощь партизанскому движению, помогая тем самым фронту.

С освобождением республики появилась реальная возможность оказания материальной помощи через вклады в различные

фонды. Православная церковь в Белоруссии, как указывалось выше, внесла около 6 миллионов рублей и три фунта серебра [101].

Большую роль в этом сыграл и архиепископ Василий, своим личным примером вдохновлявший духовенство и верующих на пожертвования. Кроме денежных взносов в различные фонды, православное духовенство подписалось на 4 Государственный Военный заем и внесло в банк 65 845 рублей [101].

Понимая те трудности, с которыми столкнулись вдовы и сироты, разделяя их боль, православное духовенство передало им зерновых культур 7 857 килограммов, 725 метров полотна, в пересчете на денежное выражение их помощь составила более 85 000 рублей [101].

Часть православного духовенства Белоруссии активно участвовала в патриотической работе в 1944-1945 годах, и эта работа принимала различные формы. Моральная поддержка осуществлялась через их служение Богу и помощь прихожанам молитвой и утешением. Размеры материальной помощи фронту со стороны православного духовенства Белоруссии были для военного времени довольно значительны и, несомненно, облегчили жизнь многих людей, приблизили Великую Победу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Митрополит Пантелеймон Рожновский

2. Епископ Афанасий Мартос, архиепископ Венедикт Бобковский, епископ Григорий Боришкевич (слева направо)

3[1]. Сведения о зарегистрированных церквях и монастырях, а также недействующих церковных зданиях Православной Церкви по БССР на июнь 1945 года

Наименование областей	Действующие церкви и молитвенные дома			Действующие монастыри	Духовные школы	Недействующие церкви		Разрушено церквей
	Патриаршая церковь	Обновленцы	Автокефалисты			всего	на культурно-хозяйственные цели	
Барановичская	98	-	-	1 мужской, 41 монах	-	-	-	-
Бобруйская	36	-	-	-	-	26	22	-
Брестская	148	-	-	-	-	12	-	21
Витебская	28	-	•	-	-	34	11	-
Гомельская	51	-	-	-	-	-	-	-
Гродненская	71	-	-	1 женский, 65 монахинь	-	7	-	-
Молодеченская	44	-	-	-	-	4	-	-
Минская	42	-	-	-	-	-	-	-
Полесская	23	-	-	-	-	1	1	-
Полоцкая	50	-	-	1 женский, 50 монахинь	-	-	-	19
Пинская	81	-	-	-	-	17	-	15
Всего	672	-	-	1 мужской–-41 монах, 2 женских –115 монахинь	-	101	-	55

' Таблица составлена автором по материалам Национального архива Республики Беларусь, ф. 951, оп. 2, д. 2, л. 75, 98, 104, 113, 137, 179; ф. 951, оп. 2, д. 3, л. 2, 7, 69, 157.

4. Сведения о духовенстве по областям БССР на июнь 1945 года

Наименование областей	Служители культа, зарегистрировавшиеся при действующих церквях				Число прихожан	
	епископы	священники	дьяконы	псаломщики	мужчины	женщины
Барановичская	-	102	9	73	нет данных	нет данных
Бобруйская	-	18	-	3	нет данных	нет данных
Брестская	-	121	19	99	нет данных	нет данных
Гомельская	-	21	5	3	нет данных	нет данных
Гродненская	-	70	5	65	нет данных	нет данных
Молодечненская	-	34 и 7 благочинных	29	40	нет данных	нет данных
Минская	1	36	3	14	нет данных	нет данных
Полесская	-	14	7	21	нет данных	нет данных
Полоцкая	-	51	2	-	нет данных	нет данных
Пинская	-	71	17	58	52 608	74 200
Витебская	-	11	1	2	нет данных	нет данных
Всего	1	556, из них 7 благочинных	97	378	52 608	74 200

' Таблица составлена автором по материалам Национального архива Республики Беларусь, ф. 951, оп. 2, д. 2, л. 105; ф. 951, оп 2, д. 3, .л. 5, 9, 72, 76, 95, 110, 136, 154, 160, 180.

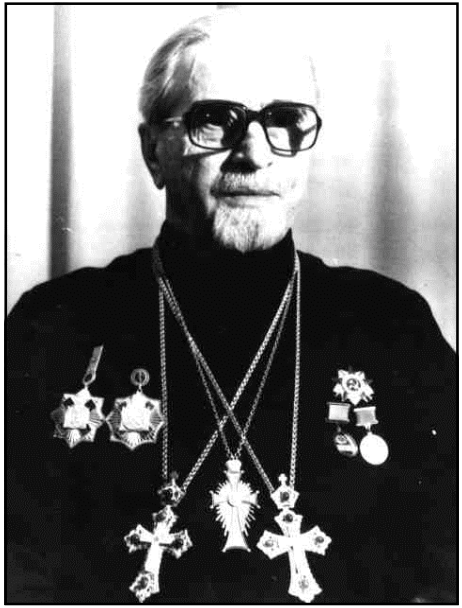
5. Празднование Вербного воскресенья 12 апреля 1944 года: фон Готберг (в центре), митрополит Пантелеймон Рожновский (слева от него), Р.Островский (справа)

6. Празднование Вербного воскресенья 12 апреля 1944 года

7. Архиепископ Филофей и Радослав Островский

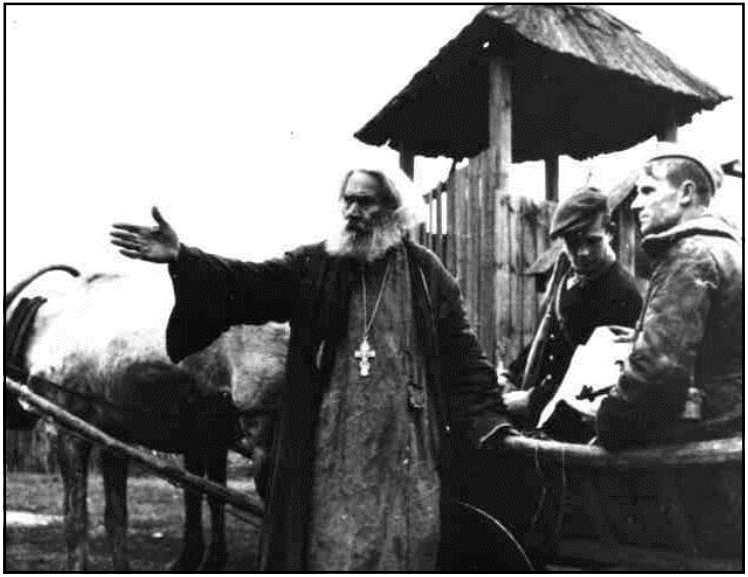
8. Архиепископ Филофей и Радослав Островский на военном параде

9. Священник Николай Хильтов с семьей

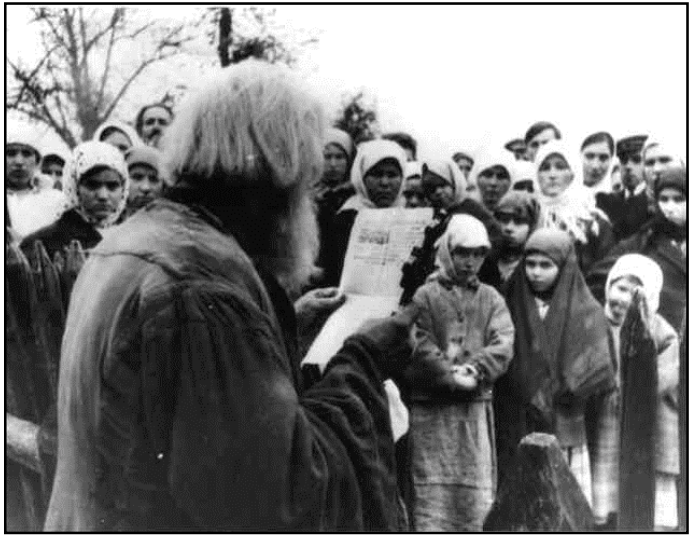


10. Священник В.В.Бекаревич

11. Священник В.Д.Копычко



12. Священник Е.Крокас показывает партизанам продвижение карателей, 1943 год



13. Священник Е.Крокас зачитывает прихожанам Обращение Верховного Совета БССР, 1943 год

14. Священник Е.Миссеюк

15. Священнослужители Беларуси – участники Великой Отечественной войны*

1. Протоиерей Авсиевич Петр Васильевич
2. Протоиерей Бойко Константин Дмитриевич
3. Протоиерей Бекаревич Виктор Васильевич
4. Протоиерей Васильев Борис Антонович
5. Священник Вишняков Евгений Федорович
6. Протоиерей Волынец Николай Никодимович
7. Священник Жолнерчик Василий Иванович
8. Протоиерей Зеневич Василий Данилович
9. Игумен Митрофанов (Ильин) Николай Тимофеевич
10. Протоиерей Калинин Серафим Яковлевич
11. Священник Каравашкин Александр Григорьевич
12. Протоиерей Коротай Александр Николаевич
13. Протоиерей Кашеня Михаил Федорович
14. Протоиерей Копычко Василий Данилович
15. Протоиерей Кухарчук Иоанн Никифорович
16. Протоиерей Кумнир Евгений Григорьевич
17. Протоиерей Мозгов Иоанн Иванович
18. Протоиерей Менько Константин Александрович
19. Протоиерей Михейчик Петр Андреевич
20. Священник Новаш Николай Яковлевич
21. Протоиерей Платун Александр Викентьевич
22. Священник Полешко Адам Васильевич
23. Протоиерей Поляк Николай Иосифович
24. Протоиерей Прокопчук Герасим Степанович
25. Священник Ракитский Михаил Тимофеевич
26. Протоиерей Рахлей Александр Григорьевич
27. Священник Ромашко Михаил Петрович
28. Протоиерей Рудько Стефан Моисеевич
29. Священник Савинов Борис Александрович
30. Священник Сазанович Михаил Павлович
31. Протоиерей Семенюк Георгий Георгиевич
32. Протоиерей Серпокрылов Иоанн Дмитриевич
33. Протоиерей Скобей Георгий Николаевич
34. Протоиерей Скрипко Михаил Фомич
35. Протоиерей Столяр Владимир Терентьевич
36. Протоиерей Тимохин Василий Гаврилович
37. Священник Торчило Алексей Адамович
38. Священник Тыновец Михаил Адамович
39. Протоиерей Хмель Дмитрий Петрович
40. Протоиерей Черняк Георгий Петрович
41. Протоиерей Шоломицкий Павел Григорьевич
42. Протоиерей Шпаковский Василий Андреевич
43. Протоиерей Ярошук Семен Андреевич

*По данным Минского епархиального управления.

16. Церковная танковая колонна имени Д.Донского

17. Бойцы церковной танковой колонны имени Д.Донского

ПЕРЕЧЕНЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ТЕРМИНОВ

· **Автокефалия** (от греч. autos – сам + kephale – голова) – самоуправление, административная независимость православных церквей.

· **Анафема** (греч. – проклятие) – в христианстве – церковное проклятие, отлучение от церкви, лишающее верующего надежд на «спасение», следовательно, обрекающее его на вечную погибель.

· **Архиепископ** (от греч. archi – старший + episkopos – надзиратель) – старший епископ – церковный титул, один из высших в христианской церковной иерархии.

· **Архиерей** (греч. – старший священник) – общее название для высших чинов из числа черного духовенства в православной церковной иерархии.

· **Архимандрит** (от греч. archos – начальник + mandra – овчарня; переносное – духовная овчарня, монастырь) – титул настоятеля крупного мужского монастыря, наместника лавры.

· **БНС** (Беларуская Народная Самапомач) – национальная организация на оккупированной нацистами территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Создана 20.10.1941 года по приказу Генерального Комиссара Белоруссии В.Кубэ. БНС возглавляли И.Ермоченко (20.11.1941– апрель 1943), Ивановский (30.06 – ноябрь 1943), Ю.Соболевский (ноябрь 1943–01.02.1944). По распоряжению оккупационных властей от 18.03.1943 года деятельность БНС ограничивалась только охраной здоровья и материальной помощью населению. В июне 1943 года реорганизована в Белорусскую Самапомач, 01.03.1944 передана в распоряжение БЦР.

· **БЦР** (Белорусская Центральная Рада) – вспомогательный совещательный орган, центральная инстанция белорусской коллаборации на оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Создана в декабре 1943 года Рада доверия при Генеральном Комиссариате Белоруссии. В БЦР входили 14 человек, Р.Островский – президент. Формально гитлеровцы передали БЦР руководство школьным делом, культурой, социальной опекой и Белорусской Краевой Обороной. Реально же власть находилась у оккупационной власти. Деятельность БЦР фактически была прекращена на Втором Всебелорусском Конгрессе 1944 года (27.06.1944, Минск).

· **Благочинный** – административно–судебное должностное лицо в православной церкви, помощник епископа, осуществляющий надзор за церквями и духовенством одного из районов епархии – благочиния (от 10 до 30 церквей).

· **Диакон** (греч. – служитель) – третий чин в православном духовенстве, участвует в совершении церковных таинств, прислуживает епископам и священникам, но сами таинства не совершает.

· **Епархиальное управление** – административно-церковный орган, существующий при правящем архиерее и помогающий осуществлять руководство духовенством подведомственной ему епархии.

· **Епархиальный совет** – совещательный орган при правящем архиерее; состоит из наиболее опытных священнослужителей.

· **Епархия** (греч. – властвование, начальствование) – церковно-административный округ во главе с епископом – епархиальным архиереем.

· **Епископ** (греч. – надзиратель, блюститель) – высший иерарх во многих христианских церквях, обобщенное название всех архиереев (патриарх, митрополит, архиепископ, епископ).

· **Игумен** (греч. – ведущий, в смысле духовный руководитель) – звание, присваиваемое настоятелю монастыря, может быть присвоено настоятелю храма, старшему священнику церкви, если он монах.

· **Иерарх** (от греч. hieros – священный + arche – власть) – лицо из высшего христианского духовенства (патриарх, митрополит, архиепископ, епископ).

· **Кафедра** – кресло со спинкой и подлокотниками, стоящее на помосте (архиерейском амвоне) в центре средней части православного храма. На нем сидит архиерей в установленные моменты богослужения. Название К. перешло в обиход и на весь архиерейский амвон. Отсюда понятие кафедрального собора как главного храма епархии данного архиерея, где постоянно стоит его К.

· **Клир** (от греч. kleros – жребий; христианское духовенство первоначально избиралось по жребию) – в христианской церкви совокупность священно- и церковнослужителей.

· **Коллаборанты** (фр. collaboration) – лица, сотрудничавшие с нацистскими захватчиками в оккупированных ими странах во время второй мировой войны.

· **Консистория** (лат. consistorium – собрание, соприсутствие) – орган церковного управления при епархиальном архиерее, вела все дела епархии, суд над духовенством.

· **Литургия** (греч. – богослужение) – обедня – главное христианское богослужение, на котором совершается таинство причащения.

· **Миссионерство** (от лат. missio – посылка, поручение) – деятельность церквей и сект по распространению своего вероучения и обрядности как внутри страны, так и за ее пределами.

· **Митра** (греч. – головная повязка) – позолоченный головной убор, надеваемый высшим духовенством во время богослужений.

· **Митрополит** (от греч. metropolites – человек из главного города, метрополии) – высший церковный титул в православной церкви. В церкви, где есть патриаршество, – второй после патриарха сан в церковной иерархии.

· **Молебен** – богослужение, носящее благодарственный или просительный характер. В отличие от молитвы, всегда является коллективным.

· **Монастырь** (греч. – уединенное жилище) – 1) форма организации общины монахов, живущих по определенному уставу и соблюдающих религиозные обеты; 2) комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных и других построек, огороженных стеной. Разделяются на мужские и женские.

· **Мощи** – останки святых, обладающие, по церковному учению, способностью творить чудеса и выступающие объектом религиозного поклонения.

· **Патриарх** (греч. patriarches – родоначальник) – титул главы автокефальной церкви.

· **Протодиакон** – старший диакон.

· **Священнослужители** – служители культа в православной церкви, возведенные в духовный сан.

· **Собор** – 1) собрание епископов для обсуждения важных вопросов церковной и религиозной жизни (бывают вселенские и поместные); 2) главный храм епархии, города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо.

· **Хиротония** (греч. – действие, слой рук) – обряд возведения в священнический сан диакона, священника и епископа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. Немецкая политика в отношении Русской Православной Церкви на оккупированной немцами территории СССР// На темы общие и русские. – Нью-Йорк, 1963. – С. 90 – 124.

2. Алексеев В.А. Маршал Сталин доверяет церкви //Агитатор. – 1989. – № 10. – С. 26 – 30.

3. Архив Комитета Государственной Безопасности Республики Беларусь.

4. Архив Управления Комитета Государственной Безопасности по Гродненской области.

5. Баркан В. Простит ли народ // Советская Белоруссия. – 1965. – 7 апреля.

6. Беларуская газэта. – 1942. – № 95. – 7 снежня.

7. Беларуская газэта. – 1942. – № 16. – 11 сакавіка.

8. Беларуская газэта. – 1942. – № 39. – 6 чэрвеня.

9. Беларуская газэта. – 1943. – № 1. - 7 студзеня.

10. Беларуская газэта. – 1943. – № 97. – 18 снежня.

11. Беларуская газэта. – 1943. – № 15. – 27 лютага.

12. Беларуская газэта. – 1943.– № 23. – 22 сакавіка.

13. Беларуская газэта. – 1943. – № 47. – 27 чэрвеня.

14. Беларуская газэта. – 1943. – № 52. – 14 ліпеня.

15. Беларуская газэта. – 1943. – № 56. – 28 ліпеня.

16. Беларуская газэта. – 1943. – № 97. – 18 снежня.

17. Беларуская газэта. - 1944. – № 7. – 26 студзеня.

18. Беларуская газэта. – 1944. – № 15. – 26 лютага.

19. Беларуская газэта. - 1944. – № 23. – 22 сакавіка.

20. Беларуская газэта. – 1944. – № 24. – 25 сакавіка.

21. Беларуская газэта. – 1944. – № 25. – 29 сакавіка.

22. Беларуская старонка. – Віцебск. – 1942. – № 7. – 15 траўня.

23. Bird E. Tomas. Orthodoxy in Byelorussia: 1917 – 1980 //Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва. – Нью-Йорк, 1983. – С. 144 – 209.

24. Библиотека Жировицкого монастыря.

25. Библиотека Минского епархиального управления.

26. Вольная праца (орган Слонимского РК КП(б)Б). – Слоним. – 1943. – 12 октября.

27. Васильева О.Ю. Русская Православная церковь в 1927 – 1943 //Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 43.

28. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т./

Л.В.Аржаева, К.И.Доморад, И.М.Игнатенко и др. – Минск, 1983–1985. – Т. 1–3.

29. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941– июль 1944): Документы и материалы: В 3 т. – Минск: Беларусь, 1973. – Т. 2 – С. 435.

30. Воспоминания Е.К. Баслыка.

31. Воспоминания А.И. Курьян.

32. Государственный архив Витебской области, ф. 1431, оп. 1, д. 1.

33. Государственный архив Витебской области, ф. 2848, оп. 1, д. 140.

34. Государственный архив Гродненской области, ф. 1, оп. 1, д. 58.

35. Государственный архив Гродненской области, ф. 478, оп. 1, д. 10.

36. Государственный архив Гродненской области, ф. 478, оп. 1, д. 12.

37. Государственный архив Гродненской области, ф. 478, оп. 1, д. 32.

38. Государственный архив Гродненской области, ф. 478, оп. 1, д. 52.

39. Государственный архив Гродненской области, ф. 478, оп. 2, д. 1.

40. Гісторыя Беларускай ССР: У 2 т. / І.С.Краўчанка, Н.В.Каменская. – Мінск: Акадэмія навук Беларускай ССР. – 1958.– Т. 1–2.

41. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – Т. 1 – 4.

42. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, № КП 14587, Д – 82 – 62.

43. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, рапорт на имя Владыки от 17.02.48 от прихода Емельянец Брестской области.

44. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, сообщение настоятеля Свято-Николаевской церкви села Озяты протоиерея Иоанна Петручука, 27 мая 1958 года.

45. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, ф. 8915, н/в 23879–23882.

46. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, КП 35687 Д-9851 инв 35687.

47. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, КП 63215 20 – 7 - 7.

48. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, н/в 71007/1 ш 8, а я 24 А-33-68.
49. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, А 33-81 ш 8а, я 24.
50. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, А 33-51, щ 10 а, я 19.
51. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, А 33-72, ш 8 а, я 24.
52. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, н/в 4162,20 – 8а – 24.
53. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске, отдел фондов, н/в 458720 – 8а – 24.
54. Документы обличают. – Минск: Беларусь, 1964. – 270 с.
55. Дмитрук К.Е. Свастика на сутанах. – М.: Политическая литература, 1976.
56. Знамя юности. – 1964. – 31 июля.
57. История второй мировой войны 1939 – 1945 гг.: В 12 т./ Под ред. А.А. Гречко. – М.: Воениздат Минобороны СССР, 1975. – Т. 1–12.
58. Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу. – Нью-Йорк: БЦР, 1956. – 190 с.
59. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) /Рэд. У.І.Навіцкі.– Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
60. Корзун М.С. Русская Православная церковь. 1917 – 1945. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.
61. Котов А. Драма белорусской церкви // Неман. – 1997. – № 1.– С. 155–174.
62. Клецкий историко–краеведческий музей, отдел фондов.
63. Мартос А. Беларусь в исторической и государственной и церковной жизни. – Буэнос-Айрес, 1966. – С. 270 – 290.
64. Мельников А. Жировицкий монастырь в истории западнорусских епархий. – Одесса, 1964. – 280 с.
65. Менская газэта. – 1942. – 7 снежня.
66. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч./М.П. Касцюк, І.М.Ігнаценка, У.І.Вышынскі і інш. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
67. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 3, оп. 1, д. 1145.
68. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 2, д. 146.
69. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 29, д. 146.

70. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 29, д. 539.
71. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 47, д. 19.
72. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 1.
73. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 2.
74. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 3.
75. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 25.
76. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 177.
77. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 305.
78. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 378.
79. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 382.
80. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 386.
81. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 387.
82. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 418.
83. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 433.
84. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 1, д. 436.
85. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 370, оп. 2, д. 1271.
86. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 750, оп. 1, д. 239.
87. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 381, оп. 1, д. 2.
88. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 384, оп. 1, д. 177.
89. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 861, оп. 1, д. 3.
90. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 861, оп. 1, д. 6.
91. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 1, д. 1.
92. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 1, д. 2.
93. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 1, д. 3.
94. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 2, д. 1.
95. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 2, д. 2.
96. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 951, оп. 2, д. 3.
97. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 3500, оп. 2, д. 1299.
98. Новый путь. – Бобруйск. – 1943.
99. Полуянов М. 60 лет служения церкви // Церковное слово. – 1996. – № 11. – С. 1.
100. Раина П.К. Мы дети одной Отчизны // Слово. – 1989. – № 11. – С. 12–15.
101. Расчеты С.В. Силовой, 1999 г.
102. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. – Издательство Московской Патриархии, 1943. – 99 с.
103. Советская Белоруссия. – 1961. – 9 апреля.
104. Советская Белоруссия. – 1965. – 7 апреля.
105. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны / Под ред. А.М. Самсонова. – М.: Наука, 1985.– 711 с.

106. Смирнов А. Противники креста Господня//Журнал Московской Патриархии. – 1943. – № 3.

107. Статут Святой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы //Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу. – Нью-Йорк: БЦР, 1956. – С. 173 – 188.

108. Туронок Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мінск: Беларусь, 1993. – 232 с.

109. Тычына М. Партызанскі бацюшка // Літаратура і мастацтва. – 1972. – 14 студзеня.

110. Церкви и приходы Минска (история и современность). – Минск: Белорусское православное братство трех Виленских мучеников, 1996. – 102 с.

111. Шейкин Г. Полоцкая епархия (историко-статистическое обозрение). – Минск: Белорусское православное братство трех Виленских мучеников, 1997.– 95 с.

112. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мінск: БелЭн. – Т. 2. – 494 с.

113. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М: Республика, 1995. – 510 с.

114. Цыпин В. История Русской церкви 1917–1997. – М.: Издво Спассо-Преображенского Вааламского монастыря, 1997. – Т. 9. – 832 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3

Глава 1 Отношения православной церкви с нацистским оккупационным режимом и белорусской коллаборацией.....4

1.1. Церковное строительство в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Подготовка и проведение Всебелорусского церковного собора.....4

1.2. Вмешательство оккупационной власти и белорусских коллаборантов в церковные дела.....42

Глава 2 Патриотическая деятельность православной церкви в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.....64

2.1. Взаимодействие православной церкви с антифашистским подпольем и советскими партизанами.....64

2.2. Формы и методы материальной и моральной помощи православной церкви фронту.....78

Приложения.....86

Перечень употребляемых терминов.....97

Список использованной литературы.....100

Научное издание

Силова Светлана Владимировна

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945 гг.)

М о н о г р а ф и я

Редактор Н.П.Дудко
Компьютерная верстка: М.И. Верстак

Сдано в набор 16.09.2003. Подписано в печать 11.12.2003.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать RISO. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 6,51. Уч.-изд.л. 6,91. Тираж 100 экз. Заказ 250.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛВ № 96 от 02.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛП № 111 от 29.12.2002. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.